

Джон Бойнтон Пристли Теперь пусть уходит!

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160750

Джон Бойнтон Пристли «Избранное», том 2: Искусство; Москва; 1987

Содержание

Джон Бойнтон Пристли	4
Действие первое	6
Действие второе	27
Действие третье	50

Джон Бойнтон Пристли

Теперь пусть уходит!

Пьеса для телевидения

Действующие лица

Саймон Кендл – известный художник.

Сэр Эдмунд Кендл – сын художника.

Фелисити – дочь сэра Эдмунда.

Гермиона Бикли – дочь художника.

Кеннет Бикли – сын Гермионы.

Джодж Бистон – хозяин гостиницы.

Хильда Бистон – хозяйка гостиницы.

Стэн Бистон – их сын.

Томми Дарт – рабочий в гостинице.

Доктор Эдж

Сэр Джеффри Брок – врач.

Сэр Маркус Коннор – представитель национальных галерей.

Генри Марч – адвокат.

Лео Моргенштерн – комиссионер.

Петтон – сиделка.

Джудит Сомерсет – сиделка.

Проводник.

Контролер.

Пожилой журналист.

Молодой репортер.

Пенелопа Бейн – журналистка.

Носильщик.

Железнодорожный служащий.

Репортеры. Фотокорреспонденты.

Действие первое

Дождливый вечер. Небольшой пригородный поезд подходит к станции, типичной станции маленького индустриального городка на севере Англии с населением около двадцати тысяч человек. В вечернем освещении видна надпись: «Скруп». Пыхтит паровоз, хлопают двери. Раздается голос проводника, человека довольно молодого.

Проводник (выкрикивает). Станция Скруп! Станция Скруп! Поезд дальше не пойдет! Поезд дальше не пойдет!

Желая удостовериться, все ли вышли, он заглядывает в купе первого класса, и вместе с ним мы видим там спящего Саймона Кендла, возле которого лежит старый чемодан. Некогда Кендл, видимо, был очень красив, теперь это глубокий старик, но в облике его сохранилось что-то величественное. (Мне бы хотелось, чтобы он был похож на короля Лира или на стариков Блейка, но пусть актер сам решает, что ему больше подходит. Довольно хороший, несколько старомодный «богемный» костюм его в беспорядке. Все его движения замедленны. Он с трудом выговаривает слова – видно, что это очень больной и старый человек.

(Наклоняясь к Кендлу). Это Скруп, сэр. Здесь надо выходить.

Кендл (с трудом открывает глаза и, подняв руку, смотрит на нее; медленно). На этой руке сверкали солнечные бли-

ки. Вы никогда не видели такого солнца. Тысяча девятисотый год. Я снова был в том саду, в Бретани. На мою ладонь, плавно кружась, упали два лепестка. Ничего не изменилось: тысяча девятисотый год – Бретань – сад – солнечные блики – два лепестка. Что вы сказали, проводник?

Проводник. Вам надо выходить, сэр. Поезд дальше не пойдет. Я прихватчу ваш чемодан, сэр.

Кендл. Прихватите-ка и меня тоже. Я очень плохо себя чувствую. Старый человек.

Проводник берет в одну руку чемодан, другой рукой помогает Кендлу подняться и выйти из вагона.

(Направляясь к выходу.) У меня в багаже два больших ящика. Очень ценных.

Проводник. Нет, сэр, в нашем багажном отделении их нет. Они, наверное, ушли с основным составом по линии Грэнгли.

Появляется контролер, он старше проводника.

Контролер. Что тут у вас происходит, Тед?

Проводник. Кажется, этот джентльмен приехал не туда, куда надо.

Контролер. Покажите-ка ваш билет, сэр.

Кендл *(обессиленный)*. Да-да, одну минуту. Дайте мне сесть.

Они у выхода с платформы, где проверяют билеты. Здесь стоит стул или скамья, на которую они сажают старика. Унылое освещение подчеркивает заброшенность маленькой,

безлюдной станции, после того как прошел последний поезд.

Проводник. Говорит, что у него в багаже два больших ящика. Их, должно быть, отправили в Бер-пул, сэр?

Контролер. Вы ехали в Берпул, сэр?

Кендл (*невнятно, слабым голосом*). Нет, ужасное место. Что это? Где я?

Контролер. Вы в Скрупе. Покажите-ка ваш билет.

Кендл (*начинает рыться в карманах, потом устало качает головой*). Не помню. Билет должен быть. Я куда-то вез два больших ящика – это очень важно, очень важно...

Контролер. А что у вас в ящиках?

Кендл. Картины. Рисунки.

Контролер. Ценные?

Кендл (*просто, без желания произвести впечатление*). Не меньше чем на сто пятьдесят тысяч фунтов. (*Закрывает глаза.*)

Контролер (*спокойно, проводнику*). Тед, сбегай в «Рейлвэй армз» и спроси у Джорджа Бистона или у его жены, не смогут ли они сейчас устроить старика на ночь. Ему все равно отсюда не уехать, и, по-моему, с ним что-то неладно. А я тут постараюсь добиться от него толку.

Проводник. Я поговорю с миссис Бистон. Джорджа-то вы сами знаете – он обязательно скажет, просто назло, что свободной кровати сейчас нет. (*Уходит.*)

Кендл, *обессиленный, снова засыпает.*

Служебное помещение станции.

Контролер (*у телефона*). Доктор Эдж?... Говорят со станции Скруп. Здесь у нас пассажир – глубокий старик, он не знает, куда он ехал и зачем. Наверное, совсем потерял память или заболел. Говорит, что у него два ящика с картинками и рисунками стоимостью сто пятьдесят тысяч фунтов, и вроде не похоже, чтоб он хвастал. Я тут послал в «Рейлвэй армз» – узнать, нет ли у них свободной кровати. Не могли бы вы, доктор...

Коридор на первом этаже в маленькой гостинице «Рейлвэй армз». Это довольно жалкое заведение, в котором есть несколько комнат для пассажиров, не сумевших вовремя уехать со станции Скруп. Ни в коем случае не следует придавать ей комфортабельный и уютный вид. Хильда Бистон, приятная, но немного растерянная немолодая женщина, разговаривает с доктором Эджем. Это пожилой, вечно перегруженный работой местный врач. Он только что приехал и держит в руке свой неизменный чемоданчик Из бара доносятся шум и голоса.

Миссис Бистон. Ну вот, слава богу, что вы наконец пришли, доктор. Боюсь, что ему очень плохо. Мы уложили его в постель. Томми Дарт уложил – он у нас работает. Но муж говорит, чтоб старик утром от нас уехал.

Доктор Эдж (*довольно сурово*). Это зависит от того, что скажу я, миссис Бистон...

Слышен грубый, не допускающий возражений голос

Джорджа Бистона.

Голос Бистона. Время! Время! Говорят вам – уже время!

Доктор Эдж. Ну, я пойду взгляну на него. Где он?

Миссис Бистон. Последняя комната направо, доктор. Я бы вас проводила, но пора закрывать, я должна помочь Джорджу...

Доктор Эдж. Хорошо, хорошо. Я спущусь к вам еще.
(Уходит.)

Миссис Бистон провожает его озабоченным взглядом. За сценой снова раздается голос Джорджа Бистона.

Голос Бистона. Ая вам говорю – время закрывать. Я вас предупреждал, что больше вы ничего не получите. Закрываем! Время!

Кендл, в постели. За сценой слышен приглушенный голос Бистона.

Кендл (*открывает глаза; недоуменно бормочет*). Время!
Время!

Раздается троекратный стук в дверь. Входит доктор Эдж, оглядывает комнату. Комната чистая, но мрачная, типичная для таких заведений. Скучная, дешевая обстановка, никелированная кровать. На стенах – изречения: «Господи, не оставь меня» и «Бог есть любовь». Возле самой кровати на стене висит большой дешевый «художественный календарь» с безвкусной, ярко намалеванной красоткой.

Доктор Эдж (*закрывает за собой дверь и направляется*

к Кендлу). Я доктор Эдж, местный врач. Меня пригласили осмотреть вас.

Кендл. А я думал, ко мне идет Время. Я слышал, как его призывали.

Доктор Эдж. Не скажете ли вы мне свое имя?

Кендл. Ну, это я еще помню. Кендл.

Доктор Эдж (*это имя производит на него большое впечатление*). Господи... конечно! Я сразу подумал, что ваше лицо мне знакомо. Вы – Саймон Кендл. Но что вы здесь делаете, мистер Кендл? Нет-нет, не отвечайте, это все успеется. Дайте-ка я вас сначала осмотрю. (*Достает стетоскоп, берет руку Кендла и щупает пульс.*)

Внизу, в баре, идет уборка. Миссис Бистон моет стаканы. Джордж Бистон и Томми Дарт расставляют их по полкам. Бистон, бывший полицейский, – дородный мужчина немного старше пятидесяти. Томми Дарт напоминает старого бродягу, но в нем есть что-то симпатичное. Работая, они разговаривают.

Томми (*возбужденно*). Держу пари – деньги для него ничто, вот увидите. И я скажу вам почему, миссис Бистон: потому что у него денег уйма, у этого старого джентльмена наверху, просто уйма...

Бистон (*недовольно*). Так что же тогда он здесь делает?

Томми. Он и не знает, что он здесь. Я вот еще что вам скажу...

Бистон (*перебивая*). Ладно, в другой раз скажешь. А те-

перь помалкивай и делай свое дело.

Сверху спускается доктор Эдж.

Миссис Бистон. Ему лучше, доктор?

Доктор Эдж. Нет, не лучше, миссис Бистон. Он, конечно, очень стар и изможден, но дело не только в этом. Я оставляю его здесь на ночь – другого выхода нет, – а утром зайду и пришлю сиделку.

Бистон (*раздраженно*). Вот еще! У меня тут, знаете, не частная лечебница.

Доктор Эдж (*возмущен словами Бистона; резко*). А теперь будет лечебница...

Бистон. Нет, не будет! Если ему так уж плохо, отправьте его в больницу...

Миссис Бистон (*протестующе*). Джордж!

Бистон. Не вмешивайся, Хильда. (*Доктору Эджу, злобно*)
Говорю вам, если ему так плохо, он должен быть не здесь, а в больнице.

Доктор Эдж. Ближайшая больница находится в Берпуле, но, даже если б это было и не так далеко, больного нельзя перевозить. И кстати, вы напрасно кипятитесь, хозяин. Если для вас главное – продажа напитков, то скоро вы их будете продавать ведрами... Бистон. Кому? Сиделке?

Миссис Бистон. Не обращайтесь на него внимания, доктор. Он сделает все, что нужно.

Доктор Эдж. Должен вас предупредить, миссис Бистон. Завтра к этому времени о вас будет напечатано во всех газе-

тах. Вот что я имел в виду, говоря о напитках. Дело в том, что человек там, наверху, – это Саймон Кендл, самый знаменитый современный английский художник, великий человек, прославленный во всем мире.

Томми (*возбужденно*). Я так и знал, так и знал!

Что я говорил, а? Денег уйма...

Миссис Бистон. Успокойся, Томми. Так что мы должны делать, доктор?

Доктор Эдж (*направляясь к выходу*). Ничего, если все будет спокойно. Если ему станет хуже, сообщите мне. Но я думаю, ночь пройдет благополучно. Утром я зайду. (*Оборачиваясь*) Спокойной ночи!

Миссис Бистон (*идет за ним*). Погодите, я провожу вас, доктор.

Оба уходят.

Томми (*Бистону*). Я сбегая наверх и послушаю, спит он или нет. Я ему сразу понравился, вот ей-богу. Он мне так и сказал: «Ну, говорит, Томми...» Я сказал ему, как меня зовут...

Бистон (*перебивая, резко*). А я, если ты сейчас же не прекратишь болтовню, так тебя назову, что ты не обрадуешься. Давай кончай уборку, живо!

Миссис Бистон возвращается. Она не может скрыть своего волнения.

Миссис Бистон. Подумать только – такая знаменитость! Наша фамилия – во всех газетах, по радио!

Бистон (*недовольно*). Ну, по мне, так без этого лучше. Что дальше-то будет? Долго он еще здесь пролежит?

Миссис Бистон (*теперь озабоченно*). Да-да, должно быть, ему плохо, бедняге, я совсем забыла...

Бистон (*злобно*). Ты всегда все забываешь...

Миссис Бистон (*боится его, но в голосе звучит протест, она почти плачет*). Зря ты это говоришь, Джордж. Иногда мне кажется, что ты озлоблен против всего света. Что бы ни случилось – тебе все нехорошо и ты считаешь себя правым, а других – виноватыми. Неудивительно, что наш Стэн не смог жить дома...

Бистон (*злобно*). И не заикайся об этом. Мы для него недостаточно хороши.

Миссис Бистон. Дело не в том. Ты и сам знаешь, что дело не в том...

Бистон (*злобно*). Так пусть идет ко всем чертям!... (*С размаху опускает на прилавок большую стеклянную кружку, она разбивается вдребезги.*)

В баре пожилой журналист с трубкой говорит по телефону.

Пожилой журналист. Говорит корреспондент «Бергтул пост»... Что там случилось в Скрупе?... Саймон Кендл?... «Рейлвэй армз»? Понимаю... Хорошо, завтра утром там будет корреспондент. Мы будем с ним держать связь... может получиться неплохой материалчик...

Несколько быстро сменяющих друг друга кадров: у теле-

фонов – репортеры, раздаются голоса: «Саймон Кендл...», «Скруп – где это Скруп?», «Кендл настолько болен, что перевозить его нельзя...», «Полная потеря памяти...», «Рейлвэй армз», Скруп...».

Все еще слышны обрывки фраз, но теперь уже за кадром. Под проливным дождем мрачное, холодное строение – «Рейлвэй армз».

На него накладывается крупным планом Кендл, больной старик, он никак не может заснуть.

Бар. На полке – маленький приемник. Миссис Бистон ставит на стол тарелки с едой и большую чашку чая.

Миссис Бистон (зовет). Томми, иди завтракать! (Включает приемник.)

Входит Томми, размахивая телеграммами.

Томми. Вот еще телеграммы. Смотрите, целая куча. Миссис Бистон. Тсс! (Берет телеграммы.)

Томми умолкает и садится, потому что в это время раздается голос диктора.

Голос диктора. Министерство иностранных дел опубликовало заявление о положении на Среднем Востоке... В Алжире французские войска ликвидировали банду мятежников... Ожидается повышение заработной платы рабочим авиационной промышленности... Саймон Кендл, известный художник, найден серьезно больным в маленькой гостинице в Скрупе... Вчера вечером в своей речи в Манчестере премьер-министр...

Томми (*торжествующе, заглушая последние слова диктора*). Вот о нем! Но кто им сказал, что это маленькая гостиница?

Миссис Бистон выключает приемник. В дверях появляется сиделка Петтон, в пальто и с маленьким чемоданом. Это рассудительная, волевая сорокалетняя женщина; присущая ей профессиональная назойливость не должна превращать ее просто в комический персонаж.

Сиделка Петтон (*скороговоркой*). Доброе утро. Я сиделка Петтон. Где больной?

Миссис Бистон. Я сейчас вас провожу, сестра. Как хорошо, что вы пришли, а то я не знаю, что ему давать на завтрак.

Сиделка Петтон. Я сама все сделаю. А теперь...

Миссис Бистон бросает телеграммы на стол и уходит делкой. Томми принимается за еду, но не может удержать от того, чтобы с благоговением не потрогать пачку телеграмм. Звонок в дверь. Томми открывает и видит молодого репортера в плаще и сдвинутой на затылок шляпе.

Молодой репортер. Я из редакции «Берггул пост». Как здоровье мистера Кендла? Нельзя ли поговорить с ним?

Томми (*которому все происходящее доставляет огромное удовольствие*). Погодите-ка немного, приятель. Вы, правда, первый, но это вам ничего не даст. Держу пари – вскорости сюда репортеров понаедет видимо-невидимо.

Комната Кендла. Он проснулся. Сиделка Петтон сняла пальто и приступает к своим обязанностям.

Сиделка Петтон. Вот я и пришла. Ну, как мы себя чувствуем сегодня утром?

Кендл. Я не знаю, как вы себя чувствуете, а я чувствую себя так, будто меня разорвали на части, потом кое-как собрали и связали ржавой проволокой...

Сиделка Петтон (*взбивает подушки и оправляет простыни*). Ну-ну, нам не стоит так уж себя жалеть...

Кендл. Ерунда! В жизни только одно удовольствие и осталось – немного пожалеть самого себя...

Сиделка Петтон. Как насчет чашки горячего чая и ломтика поджаренного хлеба? А потом я подготовлю вас к приходу доктора.

Кендл. Мы уходим такими же, как пришли: наследим, напачкаем, а потом умоемся, и – какой милый беби, какой чистенький старикашка! Ну что ж, давайте.

Сиделка Петтон выходит.

(Оставшись один, с усилием приподнимает голову и с явным недовольством оглядывает комнату. Пытается достать отвратительный календарь с картинкой. Потом останавливается. Ясно, что он хочет что-то вспомнить.)

Что-то... что-то очень важное... но что, что?

Стук в дверь. В комнату заглядывает ухмыляющийся Томми.

Томми. Как вы себя чувствуете? Вы меня помните? Я – Томми.

Кендл (*улыбаясь*). Томми. Ты, кажется, единственное, что

я еще помню. Мой друг Томми. Заходи, заходи.

Томми, ухмыляясь, входит в комнату и осторожно прикрывает дверь. Кендл с видом заговорщика жестом подзывает его к себе.

Томми. О вас во всех газетах написано – хотите посмотреть?

Кендл. Спасибо. Нет, не хочу. Послушай, Томми, как тебе нравится моя сиделка?

Томми. Боюсь я их, этих женщин, мистер Кендл.

Кендл. Я тоже, Томми. Ты, когда узнаешь, что ее здесь нет, сразу заходи – вот как сейчас. Ведь может случиться, что ты сумеешь сделать для меня то, чего она не сумеет или не захочет, а?

Томми радостно кивает и улыбается.

Я старше тебя, Томми, но ты тоже не маленький.

Томми (*торжествующе*). Да, я куда старше, чем они тут думают...

Кендл. Ну вот мы с тобой оба вредные, хитрющие старики... Мы наивные, простодушные старики, и мы должны помогать друг другу, Томми, не то они нас одолеют. А теперь достань-ка из внутреннего кармана пальто мой бумажник...

Томми (*с видом бывалого конспиратора идет за бумажником, не переставая разговаривать*). Я вам скажу, мистер Кендл, тут из-за вас такое будет! Газеты. Радио. Телеграммы. Из редакций валят...

Кендл. Вот потому-то мне и нужен союзник, друг. (*Бе-*

рет бумажник, вынимает две или три фунтовые ассигнации.) Возьми эти деньги, Томми, может быть, мне нужно будет что-нибудь купить. Если же мне ничего не понадобится, оставишь деньги себе.

Томми. Большое спасибо, мистер Кендл. Но если нужно сделать что-то серьезное, я не подойду – у меня смекалки не хватит. Здесь вам может помочь только Стэн.

Кендл. Кто это – Стэн?

Томми. Стэн Бистон – сын здешних хозяев. Он инженер, и у него хорошее место, только он не живет дома – не ладила с отцом. Но его нельзя осуждать...

Кендл. А я и не осуждаю. Я тоже не ладил со своим отцом. А мой сын не ладит со мной.

Томми. Ну, я ручаюсь, что нрав у вас не такой крутой, как у Джорджа Бистона. Он служил в полиции – и даже для них оказался слишком свиреп. Но Стэн навещает мать – он ей дороже всего на свете. Она славная женщина, миссис Бистон.

Кендл. Разумеется. Но единственный, на кого можно положиться, если нужна будет помощь, – это Стэн. Так, что ли? Ловкий парень, да?

Входит сиделка Петтон с подносом и с негодованием смотрит на Томми.

Сиделка Петтон. *(возмущенно)*. Ну, знаете ли...

Томми *(поспешно)*. Я не забуду, что вы сказали насчет вторника, мистер Кендл. *(Торопливо выходит)*

Сиделка Петтон. О чем это он говорит? *(Ставит перед*

Кендлом поднос)

Кендл. Не знаю. И он не знает. Он должен был что-нибудь сказать. Он вас боится. И я тоже.

Сиделка Петтон. С каких это пор? Теперь завтракайте. Сейчас придет доктор.

Бистон – внизу, у телефона.

Бистон (*сердито*). Нет, не можем. Вы что думаете – здесь «Савой»? (*Нажимает на рычаг, потом набирает номер.*) Коммутатор?... Говорит «Рейлвэй армз» – Скруп, двести двадцать восемь... Да, не сомневаюсь, что этот номер вам знаком. Ну так я выключаю телефон – на сегодня с меня хватит. (*Кладет трубку. Замечает доктора Эджа, который только что приехал. Смотрит на него.*)

Доктор Эдж. Уже за работой?

Бистон. Вашими стараниями.

Доктор Эдж. С таким характером – и держите гостиницу, приятель! Наймитесь ночным сторожем, тогда вам не придется на каждом шагу встречаться с людьми... (*Поднимается наверх.*)

Бистон. Да, это как раз по мне. С большинством людей не стоит встречаться. А уж прислуживать им...

Голос миссис Бистон (*возбужденный*). А, доктор Эдж, сиделка уже здесь, она только что отнесла ему слабого чаю.

Бистон сталкивается с молодым репортером, которого мы видели раньше; теперь тот с двумя коллегами.

Бистон (*грубо*). Чего вам нужно? Вы же знаете, что у нас

еще закрыто.

Молодой репортер. Мы – представители прессы. Что сказал доктор?

Бистон. Посоветовал мне пойти в ночные сторожа. Я бы так и сделал, если бы им удвоили жалованье.

Молодой репортер. Что вы чувствуете, имея в своем заведении больного, который так знаменит?

Бистон. Чувствую, что мне задают идиотские вопросы. *(Кричит)* Томми, Томми! *(Уходит)*

Голос Бистона. Полезай в погреб...

Молодой репортер *(угрюмо, двум другим)*. Я позавтракал в шесть, и, если нам удастся получить здесь ленч, мы можем считать себя счастливыми. Ну и жизнь! *(Замечает телефон.)* Хэлло! Телефон выключен... *(Включает телефон, и сразу же раздается звонок)* Да?... Да... Нет, но я могу передать... Сэр Джеффри Брок, врач-консультант, уже выехал? Хорошо, надеюсь, он захватил с собой постель и завтрак. *(Кладет трубку; коллегам.)* Слыхали, ребята? Сэр Джеффри Брок.

Один из репортеров. Это один из букингемских придворных докторов. Сенсационный материал.

Снова звонит телефон.

Молодой репортер *(бросается к трубке, отталкивая двух других)*. Как его самочувствие? Послушайте... Скажите... Мы только представители прессы... *(Двум другим, после того как положил трубку, раздраженно.)* Как его само-

чувствие?!

Комната наверху. Доктор Эдж, по-видимому, только что осмотрел Кендла.

Доктор Эдж (*после некоторого колебания, сиделке*). Хорошо, сестра. Отнесите этот поднос вниз и выпейте чаю. Подождите меня там, я должен вам кое-что сказать.

Сиделка Петтон уходит.

Вы, мистер Кендл, вероятно, захотите услышать еще чье-нибудь мнение...

Кендл (*с насмешливой улыбкой*). Я? Я еще и вашего мнения не спрашивал.

Доктор Эдж. Я всего лишь местный врач, по горло увязший в работе...

Кендл. Я очень вам обязан за все, что вы вчера ночью для меня сделали, поэтому, если вам от этого станет легче, можете мне сказать, что со мной. А если вы предпочитаете не рассказывать, тогда не надо. Но я скажу вам вот что. Я чувствую, мое время уходит, как песок из лопнувшего мешка. Часть моего «я» уходит – не в какой-то другой мир, но в наш, земной, на много лет назад. Сейчас я здесь, а в следующее мгновение – я уже вижу перед собой ряд тополей или темный пруд, заросший лилиями, на которые я глядел последний раз, когда вас еще не было на свете. Почему далекое прошлое становится таким близким, когда мы стареем?

Доктор Эдж. Не знаю.

Кендл. Сказано по-мужски. Так что со мной?

Доктор Эдж. Одностороннее воспаление легких, по-моему. Усталое сердце. Истощение нервной системы.

Кендл. Да-да. Вы сообщаете бедняку, что у него не так уж много денег...

Доктор Эдж. Ну так вот, мистер Кендл. У вас мало сил для борьбы с болезнью, и вы не должны попусту их тратить. Никаких волнений. Никаких эмоций. Может быть, мне следовало бы помалкивать относительно вашего пребывания здесь, но я не могу брать на себя такую ответственность. Ваши родные и друзья должны узнать...

Кендл. Моя жена давно умерла, но мой сын и моя дочь и, вероятно, его дочь и ее сын, двое моих внуков, сейчас уже в пути...

Доктор Эдж. Я обязан предупредить их: никаких сцен, никаких волнений.

Кендл. Попробуйте. Но мой сын – преуспевающий делец, и на него произведет впечатление только диагноз преуспевающего дельца от медицины...

Доктор Эдж. Найдется и такой. Я побился об заклад с женой, что это будет Джеффри Брок.

Кендл. Моя дочь Гермiona, бедная девочка, – она испытала все. А теперь стала истеричкой и слишком много пьет. У меня взгляды весьма либеральные, так что уж если я говорю «слишком много», значит, так оно и есть. Ее сын и моя внучка Фелисити... Ну, это не имеет значения. Но будут и другие посетители – такие, для которых я не человек, а соб-

ственность. Я Должен стать достоянием нации, чтоб они водили ко Мне экскурсии – два шиллинга за вход. К тому же мне принадлежит немало ценностей, и кое-кому из этих молодчиков было бы очень выгодно, если бы меня признали психически больным...

Доктор Эдж. Ну, это вам не угрожает. Что же вы сделали вчера, мистер Кендл? Убежали от них?

Кендл (*вспоминает*). Ну конечно! Разумеется, убежал. Скрылся. Единственное, что оставалось. Я... куда-то ехал... Что-то с собой взял... (*Счастлив, что ему удалось вспомнить.*) Ну конечно. А теперь, доктор, я хочу попросить вас об одном маленьком одолжении. Ни о чем серьезном я не могу вас просить, потому что вы очень заняты... со своими бесчисленными пациентами, которые болеют сейчас, когда о людях так заботятся и все так счастливы. Совсем небольшое одолжение.

Доктор Эдж. Да?

Кендл. Как же его зовут?... Тед? Боб? Берт? Что-то в этом роде. Ден? Нет. Стэн – вот как. Скажите женщине внизу или моему другу, этому коротышке Томми, что, когда придет Стэн, я должен поговорить с ним. Это очень важно...

Доктор Эдж. Хорошо. Но не волнуйтесь...

Кендл. Мне сразу стало легче, как только я вспомнил то, что так долго не мог вспомнить. Доктор, там, на дне моего чемодана, вы найдете угольный карандаш, а если вы мне его не дадите, я сам его достану, как только вы уйдете. И еще

я хочу снять со стены это уродство. Я знаю – это чужая собственность, но подобных вещей не должно быть ни у кого. Вот так, я вам очень благодарен...

Доктор Эдж (*достаёт карандаш, снимает календарь и передает его и карандаш Кендлу*). Я зайду сегодня вечером.

Кендл. Не забудьте передать насчет юноши по имени Ден.

Доктор Эдж. Вы сказали – Стэн...

Кендл. Совершенно правильно – Стэн. (*Собирается рисовать на календаре.*)

Доктор Эдж. Не забуду. (*В дверях.*) Что бы вы хотели поесть?

Кендл (*иронически*). О! Дайте подумать... Антрекот с зеленым салатом, немножко выдержанного бри, полбутылки рислинга к первому и бутылку шамберти к антрекоту...

Доктор Эдж. Великолепно. Но не удивляйтесь, если все это примет вид яйца всмятку и чашки слабого чая. (*Выходит*)

Кендл *начинает с трудом, не спеша подрисовывать картинку на календаре. Раза два он останавливается, будто бы от приступа боли. Возвращается сиделка Петтон.*

Сиделка Петтон. Сядьте поудобнее и укройтесь, если уж вы не можете лежать спокойно.

Кендл. Я не хочу, чтобы меня усаживали и укрывали.

Сиделка Петтон (*подходит поближе, хочет посмотреть, что он делает*). А что скажет миссис Бистон, когда увидит, что вы испортили такой красивый календарь?

Кендл. Грррррр... (Или какой-нибудь другой звук, по усмотрению актера)

Бар внизу теперь открыт. Бистон и Томми обслуживают репортеров, среди которых трое уже известны нам. Все они разговаривают и смеются. В конце коридора разговаривает по телефону разбитная девица – Пенелопа Бейн.

Пенелопа. Дайте мне редакцию... Алло, коммутатор, не прерывайте меня, я разговариваю с Лондоном. «Дейли уайер». Редакция?... Позовите Сэма Филипса... Сэм? Это Пенелопа... Да, я говорю из гостиницы в Скрупе... Конечно, это богом забытая дыра. Ты зачем подстроил мне такую поездку, чудовище?... Пока еще ничего, но сегодня к вечеру ожидают все семейство. Им оставили комнаты – все, какие здесь есть. И сэр Джеффри Брок уже в пути, так что бедному старику скоро достанется... О, сегодня я для тебя вытяну нужные сведения у кого угодно, но не держи меня здесь долго, нужно же иметь сердце!... Национальная галерея и все такое? Да, может получиться грандиозно... О'кей, я жду тебя. Отвезешь меня ночью на машине в Берпул, а утром – обратно... Вот еще! Чтоб я ночью ездила с мальчиками в такси?... И я тебя, Сэмми.

Комната наверху. Сумерки. Идет дождь. Унылая атмосфера. Кендл спит, но очень тревожно. Сиделка Петтон смотрит на него, потом, скучая, выглядывает в окно.

Действие второе

Ранний вечер. Бар снова открыт. Виден коридор и бар, где шумят посетители. Приехали родные Кендла: сэр Эдмунд со своей дочерью Фелисити, Гермиона (миссис Бикли) с сыном Кеннетом. Сэру Эдмунду лет пятьдесят пять. Это видный чиновник, самодовольный, никогда не улыбающийся человек, ничем не похожий на своего отца. Фелисити – хорошенькая двадцатичетырехлетняя девушка. Она не замужем. Вид у нее очень грустный. Гермионе Бикли – лет под пятьдесят; это добрая, но истеричная и неуравновешенная женщина, много пьет. Кеннет – двадцати двух лет; он очень неряшлив, сентиментален и невоспитан, неплохой, но испорченный и совершенно безвольный юноша. Первым входит сэр Эдмунд, за ним остальные родственники Кендла. Его встречает миссис Бистон.

Сэр Эдмунд. Добрый вечер! Я сэр Эдмунд Кендл. Для нас заказаны комнаты.

Миссис Бистон (*виновато*). Только две. Вам придется расположиться всем вместе.

Гермиона (*вужасе*). Всем вместе?! Да вы с ума сошли!

Миссис Бистон. В каждой комнате – по две кровати.

Сэр Эдмунд. В таком случае, Гермиона, ты с Фелисити займешь одну комнату, а мы с Кеннетом – другую. А есть ли у вас какая-нибудь гостиная, которой мы могли бы восполь-

зоваться?

Миссис Бистон. Только небольшая комнатка, мы называем ее приемной. Я покажу ее вам, как только вы осмотрите свои комнаты. Сюда, пожалуйста. *(Выходит первая.)*

Гермиона отходит в сторону, чтобы пропустить вперед Фелисити и Кеннета.

Гермиона. Моя сумка у тебя, Кеннет? Фелисити, милая, я догоню вас через минуту. Не закрывайте двери.

Все, кроме Гермионы, выходят. Она подходит к стойке и подзывает Томми.

Томми. Слушаю, мэм.

Гермиона. У вас водка есть?

Томми. Нет, ни капли.

Гермиона. Тогда двойную порцию джина.

Томми. Чем разбавить?

Гермиона. Ничем. Просто джин. Как мой отец?

Появляется молодой репортер из «Берпул пост» с кружкой пива в руке.

Молодой репортер. Я из «Берпул пост». Вы – миссис... э... э...

Гермиона. Бикли...

Молодой репортер. И вы только что прибыли из Лондона, да? Томми, запиши это за мной.

Гермиона *(берет джин)*. Благодарю. Это как раз то, что мне нужно. *(Пьет джин)*

С другой стороны подходит Пенелопа.

Пенелопа (*поспешно*). Миссис Бикли, вряд ли вы меня помните, но мы с вами встречались – Пенелопа Бейн из «Дейли уайер». Скажите, за вами посылали или вы сами приехали?

Гермиона. Последнее время мы очень беспокоились за отца. А вчера он исчез, бедняжка... (*Допивает джин.*)

Пенелопа (*быстро*). Повторить, Томми. (*Гермионе.*) Просто взял и скрылся, да?

Комната Кендла. Сэр Эдмунд уже снял пальто и подошел к постели. На нем строгий черный пиджак и полосатые брюки. Кендл проснулся. В глубине комнаты – сиделка Петтон.

Сэр Эдмунд (*с упреком*). Мы просто терялись в догадках, отец. У меня полдня ушло на розыски. Кстати, министр просил тебе передать наилучшие пожелания. Он сказал, что в случае необходимости он или даже премьер-министр сделают все...

Кендл (*язвительно*). Э, мой мальчик, единственное, что может сделать для меня правительство, – это оставить меня в покое и не просить у меня больше денег.

Сэр Эдмунд. С нами в поезде ехал сэр Джеффри Брок. Он скоро придет к тебе. Он отправился за здешним врачом – как его зовут?... – за Эджем. В руках Брока ты в безопасности. Очень разумный и положительный человек.

Кендл. Не люблю я очень разумных и положительных людей.

Сэр Эдмунд. Чепуха, отец. Без них государство не могло бы существовать.

Кендл. А вышло бы неплохо, черт побери, если бы мы попробовали существовать без них, прежде чем они окончательно погубят страну или замучают нас до смерти. (*Злорадно*) У тебя хорошая комната,

Эдмунд?

Сэр Эдмунд. Хуже этой, и я должен жить там вместе с Кеннетом, который вблизи оказался еще более мерзким, чем я предполагал.

Кендл хмыкает и начинает кашлять.

Сиделка Петтон (*встает и подходит к Кендлу; обычным для нее тоном*). Теперь вам ясно, что вы наделали? (*Сэру Эдмунду.*) Я думаю, вам лучше уйти, сэр. Вы его волнуете.

Кендл (*снова хмыкает, дышит со свистом*). Держу пари, тебе никто никогда не говорил ничего подобного, Эдмунд. А теперь больше не волнуй меня.

Стук. Сиделка Петтон открывает дверь. В дверях – миссис Бистон.

Миссис Бистон (*спокойно*). Сестра, вас просит к телефону доктор.

Сиделка Петтон выходит.

Сэр Эдмунд (*подходит ближе к Кендлу; настойчиво, но спокойно*). Отец, я должен сказать тебе что-то очень важное. Нам известно, что вчера ты увез с собой два больших ящика с рисунками и картинами. Они в надежном месте? И где они?

Кендл. Не знаю, Эдмунд. Я не могу вспомнить, что случилось вчера в поезде. Я знаю только, что здесь их нет.

Сэр Эдмунд (*изумленный*). Но это ужасно!

Кендл (*весело*). Досадно, не правда ли?

Сэр Эдмунд (*еще более изумленный*). Досадно?

Кендл. Только не вздумай снова волновать меня.

Осторожный стук, затем дверь немного приоткрывается.

Фелисити (*за дверью, настойчиво, но мягко*). Папа, на минуточку.

Кендл (*зовет, в то время как сэр Эдмунд выходит*). Это ты, Фелисити?

Фелисити. Да, дед, я сейчас... (*Сэру Эдмунду, который уже за дверью*) Там внизу, в баре, тетя Гермiona напилась, ее окружили репортеры, бог знает что она им там говорит...

Сэр Эдмунд (*пораженный, с ужасом*). Это нужно немедленно прекратить... (*Поспешно уходит.*)

Фелисити (*входит в комнату и присаживается на кровать деда, чтобы поговорить с ним*). Родной мой, скажи мне правду – как ты себя чувствуешь?

Кендл. Не знаю. Я слишком стар.

Фелисити. Ты просто успокаиваешь меня.

Кендл. Нет, родная, в твои годы человек или вполне здоров, или болен. А в моем возрасте не поймешь, что за чертовщина с тобой происходит и как ты себя на самом деле чувствуешь. А теперь ты мне скажи: как у тебя дела с тем

безмозглым парнем? Все еще влюблена в него?

Фелисити. Это ты об Энтони? Нет. Все кончено.

Кендл. Правильно! Не вводи к нам в семью безмозглого мужчину...

Фелисити. Хорошо, обещаю тебе, милый. Но у нас уже есть уроды. Первый – кузен Кеннет. Между прочим, он здесь, если ты захочешь взглянуть на него. Затем – тетя Гермиона, она уже напилась и буйствует там, внизу. Я послала отца, чтобы он спас ее от репортеров.

Кендл. Ага, они уже здесь?

Фелисити. Их там столько набилось, что шагу негде ступить. Должна тебе сказать, дед, милый, ты выбрал не особенно удачное место, а?

Кендл. Я ничего не выбирал, моя родная. Мне сказали, что я, вероятно по ошибке, сел не в тот поезд...

Фелисити. В поезд, который идет до этой станции, можно сесть только по ошибке. Но куда ты ехал? Ты действительно потерял память?

Кендл (*уклончиво*). Да, иногда случается...

Фелисити (*с упреком смотрит на него, чуть не плачет*).

Дед, по-моему, это предательство...

Кендл. Предательство? Почему?

Фелисити. Ты прекрасно знаешь – если только все решительно не забыл, – мы всегда были друзьями. Мы всегда друг другу все рассказывали. А теперь ты так себя ведешь, будто мы не друзья, будто я заодно с отцом и всей его компанией,

будто я не целиком на твоей стороне...

Кендл. Нет-нет, Фелисити. Это просто... (*Умолкает.*)

Фелисити. Просто – что?

Кендл. Да ничего. Ты вот что мне скажи: как ты думаешь, могла бы ты чем-нибудь помочь молодому человеку по имени Стэн?

Фелисити. Чем-нибудь – да. Только без панибратства. Что до меня, то ни о каких Стэнах не может быть и речи. Это «неприкасаемые».

Кендл (*печально*). Должно быть, он чувствует то же самое. Поэтому-то вы и погубите Англию...

Фелисити (*с полушутливым-полусерьезным отчаянием*). О ты, старое чудовище, я знаю, нельзя поднимать шум из-за пустяков, но что ты такое говоришь? Как мы можем погубить Англию? И кто этот Стэн? И почему я должна ему помогать?

Торопливо входит сиделка Петтон.

Сиделка Петтон (*сурово*). Мне все равно, о чем вы тут говорите, но я не могу разрешить вам оставаться здесь, мисс. Через несколько минут придут врачи, мы не можем допустить, чтобы больной был так взволнован. Я должна еще прибраться здесь...

Фелисити (*вскакивая*). Хорошо, я уйду... (*Поспешно прикасается губами ко лбу Кендла. Нежно*) Спокойной ночи, родной. Я здесь, когда бы ты меня ни позвал.

Кендл (*устало*). Спокойной ночи, милая.

Фелисити уходит чуть не плача. Сиделка Петтон начи-

нает оправлять постель.

Маленькая комната с надписью на двери «Приемная», о которой говорила миссис Бистон. Кеннет разговаривает с Пенелопой, у обоих в руках рюмки.

Пенелопа. Писатель, да? Что же вы пишете?

Кеннет (*очень торжественно, почти мрачно*). О, ничего серьезного, эпического. Легкая, остроумная вещица...

Пенелопа. Ну! А что вы уже сделали?

Кеннет. Я закончил первую половину балета об эскимосах, который называется «Жизнь в иглу». А также часть ревью, еще не законченного, под названием «А нам наплевать».

Пенелопа. Рискованное заглавие.

Кеннет (*многозначительно*). Написано очень остро, прямо-таки беспощадно. О, хэлло, Фелисити!

Входит Фелисити.

Знакомьтесь: Пенелопа Бейн из «Дейли уайер» – моя кузина Фелисити Кендл.

Пенелопа. Вам удалось повидаться с дедушкой?

Фелисити. Да, но я ничего не узнала. Правда, врачи только что приехали. Так что вам придется подождать. Простите. (*Кеннету*) Где же наша комната?

Кеннет. Да я как раз туда шел. (*Пенелопе.*) Извините.

Уходят в гостиную.

Гостиная – маленькая, мрачная, запущенная комната. Сэр Эдмунд сидит за столом, перед ним – какие-то бумаги

и большой чиновничий портфель. Он пытается работать, но Гермиона все время с ним заговаривает. Она полупьяна, вид у нее несчастный и жалкий.

Гермиона. Может быть, я ему и не нужна – это я и сама понимаю, – но у меня столько же прав на свидание с отцом, сколько и у тебя. На самом деле – даже больше. Он по-своему любит меня, а тебя терпеть не может, тебя вообще никто терпеть не может – я имею в виду разумных людей, а не политиков, чиновников и джентльменов из «Атенэума». *(Замечает Фелисити и Кеннета.)* Хэлло, и вы здесь. Вы когда-нибудь видели комнату хуже этой? Ну как, ты была у него, Фелисити?

Фелисити. Только одну минутку. Потом какая-то кошмарная сиделка вышвырнула меня оттуда.

Сэр Эдмунд *(задумчиво смотрит на нее)*. Что он тебе сказал?

Фелисити. Он сказал, что не знает, как он себя чувствует.

Сэр Эдмунд. И это все?

Фелисити *(явно не хочет рассказывать)*. Когда я у него спросила, что все это значит, он начал что-то сбивчиво рассказывать, но тут в комнату ворвалась сиделка.

Сэр Эдмунд *(угрюмо)*. Я полагаю, мы будем вынуждены признать, что рассудок его не совсем в порядке...

Гермиона. Ты считаешь, что только твой рассудок в порядке...

Сэр Эдмунд *(раздраженно)*. Ах, не говори глупостей, Гер-

миона!

Кеннет (*который пытается что-то написать на конверте*). Она не глупее тебя. С чем бы срифмовать «аборт»?

Гермиона (*быстро*). Может быть, «порт»? А это не глупо? Как ты думаешь, Эдмунд? Но, Кеннет, милый, не пиши здесь свои непристойные песенки. (*Фелисити.*) Он и все его друзья теперь только и делают, что сочиняют непристойные песенки. А потом расппевают их до двух часов ночи...

Фелисити. Я проголодалась. Где и когда мы будем есть?

Сэр Эдмунд (*торжественно*). Я договорился, чтобы нам принесли что-нибудь сюда попозже, после того как мы услышим мнение врачей и поговорим с репортерами. И послушайте, Фелисити, Кеннет, я настаиваю, чтобы ими никто, кроме меня, не занимался. Я знаю, как себя вести с этой публикой, а вы – нет. Запомни это, Гермиона. (*Пытается работать.*)

Гермиона. Отец никогда не был напыщенным. Мать – тоже. В кого ты такой, Эдмунд? У тебя это еще в школе было.

Сэр Эдмунд (*не отрываясь от бумаг*). Вздор.

Фелисити. Кеннет, ты знаешь кого-нибудь по имени Стэн?

Кеннет. Знаю. Тенора-саксофона из джаза Джамбо Джексона.

Фелисити. Да нет, идиот! Какого-нибудь Стэна здесь.

Кухня выглядит более или менее так же, как в первой части. Миссис Бистон, разгоряченная и взволнованная, разговаривает со своим сыном Стэн о м. Стэн Бистон – молодой

человек лет под тридцать, решительный, хорошего сложения, типичный выпускник технического колледжа; в его речи немного меньше, чем у его родителей, чувствуется местный выговор.

Миссис Бистон. Не беспокойся, Стэн. Сегодня нам нечего бояться. Отец сюда не зайдет до самого закрытия – они там все с ног сбились с этой толпой. А если хочешь мне помочь, сынок, нарежь холодного мяса – я обещала дать им на ужин. Ты знаешь, Стэн, здесь какой-то сумасшедший дом, с тех пор как сюда привезли этого бедного старого джентльмена...

Стэн. Ведь это великий человек, мама. По-настоящему великий человек, а не какой-нибудь подражатель. *(Оглядывается и замечает входящего Томми.)* Привет, Томми!

Миссис Бистон *(довольно резко)*. Послушай, Томми, мы заняты, да и у тебя много работы. Не болтайся без дела. *(Поспешно уходит.)*

Томми *(в высшей степени доверительным тоном)*. Стэн, этот мистер Кендл, там, наверху, по-моему, хочет, чтобы ему помогли... без шума. Я ему сказал, что ты – самый подходящий человек. Денег у него уйма, и он не скупится...

Стэн. Мне нет дела до его денег. Он так и сказал, что я могу ему помочь? А его родные тогда были уже здесь?

Томми. Нет, их еще не было. Но, если хочешь знать, это не имеет значения. Держу пари, он ни с кем из них не считается, кроме внучки. Она молодец.

Стэн. Давай-ка, Томми, объясни мне все пояснее. Выкла-

дывай, что он сказал, и поскорее, а то...

Томми. Я ему и говорю: «Если у вас дело серьезное, то у меня смекалки не хватит. Стэн – вот кто вам нужен». А он и говорит: «В этом я не сомневаюсь».

Комната Кендла. Сэр Джефффри Брок, упитанный и видный мужчина, из числа врачей, которые ценят каждое свое слово, только что закончил осмотр Кендла. Доктор Эдж и сиделка Петтон – в глубине комнаты.

Сэр Джефффри. Я старался как можно быстрее закончить осмотр, мистер Кендл. Надеюсь, он вам не показался слишком утомительным. Ваш сын, сэр Эдмунд, насколько мне известно, находится здесь. Вы, вероятно, захотите, чтобы я с ним поговорил?

Кендл (*с издевательской усмешкой*). Да, сэр Джефффри, захочу...

Сэр Джефффри. По-моему, это очень разумно с вашей стороны.

Кендл. Не знаю, но я думаю, вы оба получите огромное удовольствие от этого совещания.

Сэр Джефффри (*не отвечая на его замечание*). Утром я снова зайду. Мы сделаем все возможное, чтобы вы хорошо спали ночью. Как обстоит дело с ночной сиделкой, доктор Эдж?

Доктор Эдж. Сиделка есть. Она уже здесь – скоро заменит дневную.

Сэр Джефффри. Отлично! Мы вас покидаем. Спокойной ночи, мистер Кендл. Сестра!

Для сиделки это приказание последовать за ним, что она и исполняет. Они выходят.

Кендл (*шепчет*). Их хлебом не корми – только дай позасесть! Тра-та-та, сэр Эдмунд, тра-та-та, сэр Джефффри... О боже, о боже, о боже...

Слышно, как отворяется дверь. Кендл поднимает голову. На пороге – две сиделки: Петтон и Сомерсет.

Сиделка Петтон. Мистер Кендл, это сиделка Сомерсет, она меня сменяет. Спокойной ночи. Я приду утром.

Кендл. Спокойной ночи.

В комнату проходит сиделка Сомерсет. Ей около сорока лет, у нее довольно красивое, выразительное лицо, она задумчива и грустна.

Сиделка Сомерсет (*подходит к кровати, очень спокойным голосом*). Может быть, мне не следует этого говорить, мистер Кендл...

Кендл (*которому очень нравится ее внешность*). Значит, обязательно скажите.

Сиделка Сомерсет. Я считаю, что это большая честь для меня. Я полюбила ваши картины, когда была еще совсем ребенком.

Кендл. Спасибо, милая. Я верю вам.

Сиделка Сомерсет. К сожалению, я еще не очень опытная сиделка. Хотя, конечно, когда-то я закончила курс обучения.

Кендл. Как вас зовут, когда вы не на работе?

Сиделка Сомерсет. Миссис Сомерсет. Или просто Джу-

дит.

Кендл (*очень мягко*). Вы должны извинить меня, Джудит. Но я старик, жизнь моя прошла... Расскажите мне о том, что с вами было, что оставило следы на вашем лице, – и мы узнаем друг друга...

Джудит (*очень медленно и спокойно, без выражения*). Мой муж был врачом в Гонконге. Двое наших детей жили с нами. Потом мужу дали шестимесячный отпуск. Я вылетела раньше, чтобы снять дом. Дом я сняла. Но их самолет разбился при вылете из Карачи. Вот почему я снова стала сиделкой. Может быть, вам дать что-нибудь, мистер Кендл?

Кендл. Нет, Джудит. Мне нужно только новое небо и новая земля.

Джудит. Может быть, вам лучше не разговаривать.

Кендл. Может быть, мне лучше не дышать. Это не слишком легко... (*Делает беспокойное движение*)

Джудит. Повернитесь на другой бок. Дайте я вам помогу. Для чего же я здесь... (*Помогает ему повернуться на другой бок.*)

Кендл. Спасибо, милая. Но вы здесь не для этого. Вы будете меня слушать до тех пор, пока не скажете, что с вас довольно. Три часа ночи, когда я не могу заснуть, а вы стараетесь не спать, – это самое подходящее время начать откровенный разговор...

В гостиной сэр Эдмунд, Гермiona, Фелисити и Кеннет, а также сэр Джеффри и доктор Эдж. Сэр Джеффри, по-ви-

димому, председательствовал на этом «совещании» и только что закончил свой доклад. Гермiona тихо плачет, Фелисити подавлена.

Сэр Джеффри. Имеется, конечно, целый ряд... э-э... крайних мер... и... э-э... доктор Эдж сделал необходимые приготовления на случай, если они... э-э... понадобятся. Но усталое сердце может остановиться в любую минуту... часто это случается во время сна. Утром я, конечно, снова его осматриву...

Сэр Эдмунд. Вы здесь не останетесь?

Сэр Джеффри. Нет, я буду у моего старинного Друга лорда Делби – неподалеку отсюда, в нескольких милях от Берпула. Он прислал за мной машину, и так как она уже довольно долго ждет...

Сэр Эдмунд (*настойчиво*). В таком случае только два небольших вопроса, сэр Джеффри. Во-первых, этот дом совершенно не подходит. Нельзя ли увезти отсюда отца?

Сэр Джеффри. Уверяю вас, сэр Эдмунд, сейчас об этом не может быть и речи. Надеюсь, вы того же мнения, доктор Эдж?

Доктор Эдж. Я бы не взял на себя такой ответственности.

Сэр Эдмунд. В таком случае придется постараться устроить его здесь получше. Гермiona, я прошу тебя! Второй вопрос – вы понимаете, что это чрезвычайно важно со всех точек зрения: можем ли мы констатировать, что мой отец не в состоянии более вести свои дела?

Сэр Джеффри (*с некоторым колебанием*). В целом... основываясь на его бессвязных ответах и некоторых признаках амнезии, я полагаю, вы можете считать себя вправе постараться... э-э... освободить его от какой бы то ни было ответственности в ведении своих дел. Полагаю, вы согласитесь со мной, доктор Эдж?

Доктор Эдж. Нет, не совсем. Память у него все еще плохая и может остаться в таком состоянии. Но он гораздо более в своем уме, чем многие мои пациенты.

Сэр Эдмунд (*игнорируя замечания доктора Эджа*). Сэр Джеффри, надо бы дать репортерам какое-нибудь сообщение...

Сэр Джеффри. Конечно...

Они уходят, не обращая внимания на доктора Эджа.

Доктор Эдж (*стоит в дверях; обращаясь то ли к самому себе, то ли к оставшимся в гостиной, с иронией*). Не обращайтесь на меня внимания. Я всего лишь местный врач.

Фелисити (*настойчиво*). Доктор Эдж, пойдите послушайте, что они говорят, и опровергните их, если они не правы. Прошу вас! Ради моего дедушки.

Он испытующе смотрит на нее, кивает в знак согласия и уходит, закрывая за собой дверь.

Кеннет (*хмуро*). Завтра придет еще несколько бонз...

Фелисити. Кто?

Кеннет (*неопределенно*). О, бонзы из государственных картинных галерей, бонзы-адвокаты, бонзы-комиссионеры

по продаже картин. Уже получены и отправлены десятки телеграмм.

Гермиона. Я чувствую себя отвратительно. Через минуту закажу немного бренди. Фелисити, милая, почему ты говорила с доктором Эджем так, будто ты подозреваешь что-то неладное?

Фелисити. Потому что я действительно кое-что подозреваю.

Кеннет. Правильно, черт побери, не спускай глаз с этих бонз.

Входит Томми, в руках у него очень большой поднос с холодным мясом, салатом, картофелем, вилками, ножами и тарелками.

Томми (*ставит поднос на стол*). Вы тут сами разберетесь, у меня совсем нет времени.

Гермиона. Хорошо. Но вы принесете мне большой стакан бренди, а?

Томми. Конечно. (*Делает знак Фелисити, которая поднимается, чтобы расставить тарелки.*) Послушайте, мисс! Она подходит поближе.

(*Тихо, но многозначительно*) Вас вызывает Стэн.

Фелисити. Ах вот как! Меня вызывает Стэн? Ну так Стэну придется прийти сюда самому.

Томми (*таинственно*). Это невозможно, мисс. Здесь дело сложное. Он в кухне, возле кладовой. И лучше поторопитесь. Стэн долго ждать не будет. (*Поспешно выходит.*)

Фелисити (*недоуменно смотрит ему вслед*). Какая наглость, черт возьми!

Гермиона. Что все это значит, дорогая?

Фелисити (*не поворачивая головы*). Это известно одному только Богу – или Стэну. (*Выходит*)

Гермиона (*кричит ей вслед*). Принеси мне бренди, милая! (*Кеннету.*) На нее, правда, мало надежды.

Кеннет. Да, она сейчас пойдет командовать. И еще как! Давай-ка ужинать.

Ярко освещенная кладовая с широкими полками для хранения продуктов. Дверь распахнута. Стэн ест большой бутерброд и запивает пивом. На тарелке лежат еще два бутерброда. Стремительно входит Фелисити, видно, что она очень раздражена.

Фелисити (*резко*). Я Фелисити Кендл. Это вы дали такое нелепое поручение?

Стэн. Нелепых поручений я не давал. Я Стэн Бистон.

Фелисити. И вы всегда передаете: «Вас вызывает Стэн»?

Стэн. Да, занимаюсь этим каждый день на заводе.

Фелисити. Но здесь не завод, и я даже не знакома с вами.

Стэн. Но теперь мы познакомились, не правда ли?

Фелисити. Я пришла только для того, чтобы сказать, какое впечатление произвела на меня ваша наглость.

Стэн. Вы пришли, все остальное не важно. (*Очень серьезно.*) А теперь послушайте меня, мисс Кендл. Если я могу чем-то помочь вашему дедушке – насколько я понимаю, де-

ло обстоит именно так, – то я буду счастлив и горд сделать все, что в моих силах...

Фелисити (*холодно*). Но почему? Вы только что прочли о нем в газете?

Стэн (*смотрит на нее с презрением*). Нет, и не потому, что я очарован милой, вежливой внучкой... (*Медленно, бесстрастно*.) По профессии я инженер. Но последние два года я по вечерам занимаюсь в художественной студии. Я люблю живопись. А Саймон Кендл – великий, изумительный художник. Я ему многим обязан. И мне бы хотелось что-нибудь для него сделать. Но я вижу, без вашей помощи я сделаю это лучше. Извините за беспокойство! Спокойной ночи...

Фелисити (*порывисто*). Прошу вас, не обижайтесь! Я вела себя глупо, очень об этом сожалею. Ведь мой дедушка просил меня помочь вам. И ради бога, дайте мне бутерброд. Я просто умираю от голода. (*Берет бутерброд*.) Что вы хотели мне сказать?

Стэн. Только одно. Я могу взять отпуск на два-три дня: в моем цехе меняют оборудование. У меня есть мотоцикл, и я готов поехать куда угодно. Правда, я не могу прийти сюда днем, когда мой отец здесь, но в доме, где я живу, есть телефон. Вот здесь записан адрес и номер телефона... (*Подает ей листок бумаги*.) Так что, как только вы узнаете, в чем дело, звоните...

Фелисити (*ест*). Но, может быть, я сама сумею лучше выполнить это поручение, чем вы...

Стэн. Очень хорошо, мы не будем соперничать, но, если я могу что-нибудь сделать, я охотно это сделаю. Вы не знаете, в чем дело?

Фелисити (*медленно, задумчиво*). Наверное, речь идет о двух больших ящиках с рисунками и картинами. По-видимому, никто не знает, где они. И мне известно, что это очень беспокоит моего отца. Он считает, что дедушка должен был предоставить ему ведение всех своих дел, потому что последнее время дедушка стал забывчив – он ведь так стар...

Стэн (*это скорее утверждение, чем вопрос*). Вы его любите.

Фелисити. Больше всех на свете – и всегда любила. Не потому, что он так знаменит, – мне все равно, пусть бы никто и не знал о нем. По правде говоря, я ненавидела его славу. Я люблю его потому, что он такой хороший, удивительный, замечательный человек... (*Пристально смотрит на Стэна, будто только сейчас понимает весь ужас происходящего.*) А этот кабачок переполнен людьми, которых интересует только одно: когда же он умрет... Сам он их не интересуется... Проклятье! Я сейчас заплачу. Ну же, скажите опять какую-нибудь грубость...

Стэн (*быстро*). О'кей. Но все-таки хныканье ему не поможет...

Фелисити (*негодующе*). Я не хнычу!...

Стэн. Как только вам покажется, что вы узнали что-то новое, – звоните мне. И не думайте, пожалуйста, что вы все

можете сделать сами, – десять против одного, что без меня вы не справитесь...

Фелисити. Откуда вы это знаете?

Стэн. Он и сам так считает, верно? Беда в том, что вы ревнуете...

Фелисити. Ну, знаете ли, хватит!

Стэн. Что может сделать какой-то Стэн? Какой-то простой парень...

Фелисити. Вы правы... *(Идет к двери.)*

Стэн. Вы не доели ваш бутерброд... мой бутерброд...

Фелисити *(надменно)*. Спокойной ночи! *(С силой хлопает дверью)*

Повторяется прежняя сцена репортеров у телефонов: «Мистер Саймон Кендл при смерти, в Скруп прибыл сэр Джефффри Брок...», «Брок дал заключение о состоянии здоровья Кендла...», «Брок утверждает, что состояние серьезное, но не безнадежное...», «Сын, дочь и двое внуков Кендла остановились в „Рейлвэй армз“...».

Диктор... На четыре пенса в час, начиная со следующего месяца... Врачи запретили перевозить художника Саймона Кендла из Скрупа, где он лежит в гостинице в тяжелом состоянии. Мистеру Кендлу – восемьдесят два года... Мы передавали последние известия.

Комната Кендла. Полумрак. Кендл мечется во сне, просыпается. Подходит Джудит.

Джудит *(очень спокойно)*. Что, мистер Кендл? Кендл *(ему)*

трудно говорить). Горло пересохло – пить...

Джудит дает ему напиться, поддерживая чашку.

Мне снилось, что я снова мальчик... Знаете, я ведь родился милях в пятидесяти отсюда. Маленькое местечко под названием Лонгстоун-Бридж... отец мой был каменотесом... мои дети и внуки не любят об этом вспоминать... Мы, англичане, всегда были снобами...

Джудит (спокойно, но уверенно). По-моему, мы стали хуже – когда я вернулась из Гонконга, я была потрясена...

Кендл. Несомненно. У меня есть старый друг, он до сих пор живет в Лонгстоун-Бридж, – Рубен Холмс, он пишет акварелью, это наш лучший пейзажист со времен Котмэна. Он живет в том же доме, где родился, ни разу не заработал больше нескольких фунтов в неделю – зачем ему? Простой, счастливый человек. Я пережил трех жен, у меня были любовницы всех цветов кожи – от бело-розового до сепии, я заработал и растратил несколько состояний, мои картины висят в любой хорошей галерее мира, у меня полный сундук медалей, наград, премий, дипломов и почетных званий, я чертовски важная персона, но я ни разу не испытал и половины того удовлетворения, какое получил от жизни Рубен Холмс. Пока я делал всякие глупости, он жил счастливой жизнью. Должно быть, он самый старый из всех моих друзей, оставшихся в живых... *(Вспоминает; с энтузиазмом)* Ну да, конечно! Я старый дурень! У вас есть карандаш, не правда ли? Записывайте: «Два ящика с картинами и рисунками от-

правлены Рубену Холмсу в Лонгстоун-Бридж». Я вез их к нему, потому что хотел у него остановиться на день или два и сказать ему, что с ними надо сделать. А сам сел не в тот поезд. Как все это просто. Вы записали про эти два ящика? Молодчина! Положите сюда. *(Показывает на столик возле кровати.)*

Джудит кладет туда листок. Он улыбается и хмыкает от удовольствия.

Джудит *(печально глядя на него)*. Мистер Кендл, вы не читаете газет?

Кендл. Нет, не читаю. Вот уже год или два. Глупая болтовня! Никогда не интересовался газетами.

Джудит. И я тоже. Но месяца три назад там что-то писали о Рубене Холмсе, акварелисте из Лонгстоун-Бриджа.

Кендл *(удивленно)*. Как не похоже на Рубена...

Джудит *(очень мягко)*. Мистер Кендл, это было сообщение о его кончине.

Он смотрит на нее скорее ошеломленный и растерянный, чем несчастный.

Действие третье

Из темноты возникает маленькая гостиная. День. Льет дождь Сэр Эдмунд работает. Фелисити ходит по комнате. По-видимому, она чем-то очень обеспокоена.

Сэр Эдмунд (*взглянув на нее, раздраженно*). Фелисити, ты сядь почитай что-нибудь или пойди немного погуляй.

Фелисити. Здесь нет ни одной стоящей книги. А гулять – как я пойду? Идти некуда, и дождь не прекращается. Гермиона и Кеннет правильно сделали – сразу же после завтрака забрались в постели. Но я не буду тебе мешать... (*Уходит.*)

Фелисити входит в бар, где Томми и Бистон занимаются уборкой.

Фелисити. Хэлло!

Томми (*подходит к ней, улыбается*). Доброе утро мисс. (*Конфиденциально*) Как вы вчера договорились со Стэном?

Фелисити (*холодно*). Никак.

Томми. Стэн – парень не промах. Себе на ногу топора не уронит.

Фелисити. Терпеть не могу ничего топорного. (*Предано, Бистону*) Вам не жаль, что репортеров на время отослали отсюда?

Бистон (*угрюмо*). Нет. Толку от них мало, а хлопот – неупроорот.

Фелисити (*после некоторого колебания*). Можно мне за-

дать вам один вопрос?

Бистон (*выпрямляется и смотрит на нее*). Я не могу вам запретить, но вообще не стоит. Вы же видите, я занят. Ну что еще?

Фелисити. Почему вы поссорились со своим сыном?

Бистон. Это уж мое дело. Но если хотите знать – потому что он зазнался.

Фелисити. Понимаю. То есть я как будто знаю, что представляют собой современные молодые люди.

Раздается громкий стук в дверь.

Бистон (*раздраженно*). А это еще что за чертовщина?
(*Спешит к двери*)

Стук не прекращается.

(*Кричит.*) Перестаньте колотить в дверь! (*Отпирает дверь и распахивает ее*)

Сразу же врывается Лео Моргенштерн. На нем плотное пальто, в руках чемодан. Это немолодой австрийский еврей, темпераментный и пылкий.

Бистон (*останавливает его*). Эй, мистер, постойте! Если вам нужна комната, здесь вы ничего не найдете. А если хотите выпить, то заходите попозже.

Лео (*замечает Фелисити; возбужденно*). Мисс Кендл, Фелисити, я Лео, Лео Моргенштерн.

Фелисити. Хэлло! Не беспокойтесь, мистер Бистон. Это комиссионер моего дедушки, он продает его картины.

Бистон (*собирается запереть дверь*). Ну, здесь он торго-

вать не будет!

Лео (*Фелисити*). Как Саймон?

Фелисити. Врачи еще у него.

Лео. Мне нужно как можно скорее повидать его. Это просто ужасно. Я был в Кап-Ферра – думал купить там Матисса, – услышал это известие, бросил все и помчался сюда. Но, мой бог, что за гостиница! Какие дикари! Здесь даже хозяин похож на свирепого полисмена...

Фелисити. Он и был когда-то свирепым полисменом. Кажется, я слышу голоса врачей Сейчас они сойдут вниз.

По лестнице спускаются сэр Джефффри и доктор Эдж
Лео (*бросается вперед, взволнованно*). Как он себя чувствует? Скажите, скажите скорее!...

Сэр Джефффри (*холодно*). Мой дорогой сэр, я собираюсь сообщить о состоянии его здоровья сэру Эдмунду Кендлу...

Лео (*страстно*). Да, да, но скажите мне, меня зовут Лео Моргенштерн, я спешил сюда за тысячи миль. Саймон – мой клиент, мой друг, мы много лет работали вместе...

Сэр Джефффри Вполне возможно, но вам следует обратиться к сэру Эдмунду. Извините меня! (*Проходит мимо Лео.*)

За ним – доктор Эдж. Они направляются в маленькую гостиную.

Лео (*после их ухода подходит к Фелисити; чуть не плачет*). Вы слышали? Мой бог! Великий художник лежит беспомощный среди таких людей! Все равно что умирать в

Гренландии. Фелисити, миленькая, мне надо увидеть его сию секунду. Это очень важно. Проводите меня.

Фелисити. Я постараюсь, Лео.

Они поднимаются по лестнице.

Комната Кендла. Он чем-то обеспокоен и выглядит гораздо хуже, чем прежде.

Кендл (*сердито смотрит на сиделку Петтон*). Глупости, женщина! Разве я могу спокойно лежать и не волноваться, когда знаю, как много нужно сделать и как мало времени осталось? Неужели у вас совсем нет воображения?

Сиделка Петтон. Нет, у меня есть только определенные указания.

Робкий стук в дверь.

(Раздраженно оглядывается.) Ну что там еще?

В комнату врывается Лео.

Не смейте входить!

Кендл (*повелительно*). Пусть войдет! Он хочет говорить со мной. Я хочу говорить с ним. Оставьте нас, сестра!

Сиделка Петтон (*уходя, ворчит*). Хорошо, но только на несколько минут.

Лео (*бросается на колени у постели. Его голова – возле подушки Кендла, по щекам льются слезы*). Саймон, я сразу же приехал, за тысячу миль, бросил выгоднейшую сделку, восемь отличных Матиссов, чтобы вас повидать, сделать страшное признание, Саймон, друг мой. Если сейчас я не

сделаю этого страшного признания, Саймон, очень страшно-го признания, я никогда не буду знать покоя...

Кендл (*не совсем серьезно, подмигивает*). Неужели так уж страшно, Лео? Хорошо, признавайтесь...

Лео (*с убитым видом*). Вы помните шесть эскизов Ариадны – я еще говорил, что они утеряны во время войны? Это неправда. Они благополучно прибыли в Нью-Йорк, я их продал тому коллекционеру в Филадельфии. Вы мне поверили – вы всегда такой доверчивый, такой благородный, и я вас обманул. Конечно, были смягчающие обстоятельства: я остался без гроша, пришлось бы уехать из Нью-Йорка, другого выхода не было. Но я себя вел как последний мошенник, как вор. Саймон, вы можете простить мне это?

Кендл (*мягко*). Я уже давно простил, Лео...

Лео (*потрясенный*). И вы знали?

Кендл. Знал. Давайте забудем об этом. У меня к вам есть более важное дело. Вам известно, Лео: у меня оставалось много картин...

Лео (*с готовностью*). Ну конечно. Где они, Саймон? Что вы собираетесь с ними делать, когда вернетесь в Лондон?

Кендл (*спокойно*). Мне вряд ли придется возвращаться в Лондон, Лео. Ну вот, а вам я верю по-прежнему. Мне кажется, вам бы хотелось загладить свою вину...

Лео (*торопливо*). Да, Саймон, я все сделаю... Все, что угодно...

Кендл (*дружески*). Хорошо, только сейчас вы ничего не

можете сделать, Лео, но потом, когда кто-нибудь унаследует мое имущество, все эти картины...

Лео. Кто же унаследует картины, Саймон?

Кендл (*медленно*). Я еще не решил, Лео. И даже если бы я знал, я бы вам все равно не сказал. Но, кто бы ни был наследником, нужно, чтобы он мог на вас положиться, Лео.

Лео (*пылко*). Клянусь прахом моей матери, Саймон, я сделаю все!

Входит сиделка Петтон.

Сиделка Петтон (*решительно*). Довольно, у вас было очень много времени!

Гостиная. Фелисити читает. Сэр Джефффри заканчивает разговор с сэром Эдмундом.

Сэр Джефффри. Я рассчитываю быть здесь к шести часам...

Сэр Эдмунд. Надеюсь, что ваш адвокат Генри Марч и сэр Маркус Коннор к этому времени будут здесь. Коннор, как вам известно, назначен теперь инспектором всех государственных картинных галерей. Я полагаю, сэр Джефффри, вы должны сказать им несколько слов о том, в каком состоянии рассудок моего отца, об ответственности и обо всем... что из этого вытекает...

Фелисити все это слышит.

Сэр Джефффри. Разумеется. Но, по-моему, сейчас самое разумное – обойтись без доктора Эджа. Он... э-э... весьма упрям, и в нужный момент с ним будет трудно найти общий

язык...

Сэр Эдмунд. Вот именно.

Врывается Гермиона.

Гермиона (*резко*). Как себя чувствует мой отец?

Сэр Джеффри (*не очень вежливо*). Непосредственной опасности нет, но нет и никакого улучшения. Я доложил сэру Эдмунду...

Гермиона. Но он, знаете ли, также и мой отец...

Сэр Эдмунд. Сэр Джеффри не может разговаривать с тобой, если тебя здесь нет, Гермиона. (*Уводит сэра Джеффри.*) Итак, мы встречаемся в шесть...

Они выходят.

Гермиона (*сердито жалуется Фелисити*). Видишь, как со мной обращаются! Пусть я слабовольная, пусть слишком много пью, пусть я болтаю с репортерами, но там, наверху, – мой отец, и хоть мы с ним, может быть, и ссорились, но я всегда была ему в тысячу раз ближе, чем Эдмунд. И представь себе, я до сих пор не видела отца. Я дважды пыталась пройти к нему, но там эта кошмарная сиделка – я ее боюсь. Я всегда боюсь таких женщин...

Фелисити. Я сейчас к нему пойду – будет там сиделка или не будет. Надо его предупредить, что против него объединились эти высокопоставленные типы.

Гермиона. Эти бонзы, как их называет Кеннет. Несносный мальчишка! Но ведь он очень забавен, верно, дорогая?

Фелисити. Да нет, не очень. Вы мне гораздо больше нра-

витель, тетя Гермiona. Только почему вы такая слабовольная и почему вы так много пьете? Это всегда меня удивляло.

Гермиона (*просто и искренне*). И меня тоже, милая. В твоём возрасте я была, конечно, совсем не такая, как сейчас: меня окружали блестящие мужчины, друзья моего отца, они боготворили меня, с ними было так приятно и весело. Потом я вдруг взяла и вышла замуж за Сирила Бикли. Бог знает почему я это сделала – отец меня предупреждал. Ничего хорошего из этого не вышло, и я стала метаться – от одного к другому: тайные поездки, страшные, беспорядочные дни. Бойся этого, дорогая, все это ни к чему. А потом понемногу началось вот это – все казалось не таким уже мерзким, вся твоя жизнь, когда немного выпьешь. А потом, не успеешь оглянуться – и ты уже «бедняжка Гермiona, возле которой нельзя поставить графин». Разве это не ужасно? (*Внезапно начинает смеяться.*)

Фелисити тоже смеется.

(*Снова становится серьезной.*) Ах, милая, мы здесь смеемся, смеемся без всякой причины, а бедный отец лежит больной, может быть, умирает. (*Вскакивает.*) Мне нужен один глоток для храбрости, и тогда меня не задержит никакая сиделка.

В комнату заглядывает Лео.

(*Замечает его, радостно.*) Лео! Вы откуда? Отца видели?

Лео (*вдверях*). Гермiona, Фелисити, милые мои, что это за человек! Я вам скажу: настоящий гений велик во всем –

величие ума, величие духа и сердца! Когда не станет гениев – мир превратится в муравейник...

Фелисити. Гении не могут исчезнуть – некоторые сейчас ходят в школу, а один, может быть, родился сегодня утром.

Лео. Для моей галереи это слишком поздно. Сейчас я еду в Берггул, к знакомому коллекционеру...

Гермиона (*берет его под руку; весело*). Но сначала мы с вами выпьем, не правда ли, милый Лео? (*Уводит его.*)

Комната Кендла. Сэр Эдмунд стоит у кровати и смотрит на своего отца. Сиделка Петтон – в глубине комнаты, может быть, зрителю она не видна.

Сэр Эдмунд (*по-видимому, продолжая*). Но хоть что-нибудь ты должен помнить, отец? Эти ящики были заранее упакованы, наверное, ты собирался их куда-то отправить. Ты сел в поезд...

Кендл (*с оттенком скрытого издевательства, увиливает от ответа*). Вот именно, мой мальчик. А прибыл сюда. Что это – Скруп? Я хочу спросить тебя, Эдмунд: для чего человек уезжает из Лондона? Чтобы его уложили в постель в Скрупе? Разумно ли это?

Сэр Эдмунд. Нет, неразумно. Ты, конечно, ехал в какое-то другое место, куда и отправлены эти два ящика с твоими работами. Весь вопрос в том, куда именно.

Кендл (*прежним тоном*). Да, весь вопрос именно в этом. Беда только, мой мальчик, что я уже старик, память ослабела... (*Кашляет и зовет сиделку.*) Сестра! Помогите мне лечь

на другой бок.

Она помогает ему повернуться спиной к двери и к сэру Эдмунду, Кендл хрипит, кашляет, дышит со свистом, умышленно прерывая разговор.

Сэр Эдмунд (*не знает, уходит ему или нет, и вдруг замечает записку, которую написала Джудит. Берет ее и читает*). Что это, отец? «Два ящика с картинами и рисунками отправлены Рубену Холмсу в Лонгстоун-Бридж».

Кендл хрипит.

(Против обыкновения довольно сильно взволнован) Это, вероятно, именно то, что мы ищем. Но почерк чужой! Кто-то дал тебе эту записку, чтобы ты знал, где твои ящики. Хорошо, отец, ты, наверное, хочешь отдохнуть... *(Кладет записку на стол.)*

Сиделка Петтон. Он очень устал, сэр Эдмунд.

Сэр Эдмунд. Простите, сестра. Я зайду попозже, отец. *(Выходит.)*

Кендл. Помогите мне повернуться.

Сиделка Петтон *(помогая ему)*. На том боку неудобно?

Кендл. Дьявольски неудобно. Просто я не хотел разговаривать со своим сыном. Теперь мне надо поговорить с внучкой...

Сиделка Петтон *(с сомнением)*. Боюсь, что мне не следует этого разрешать...

Кендл *(резко перебивает ее)*. Но это же смешно! Если я в течение получаса мог выслушивать идиотские расспросы

моего сына, значит, я могу несколько минут провести со своей внучкой. Ну вот, пришлите-ка ее ко мне, а сами побудьте внизу, выпейте чашку чаю, сыграйте там во что-нибудь – делайте что хотите. Идите...

Сиделка Петтон уходит. Кендл надевает очки, читает записку. Роемся в бумажнике. Входит Фелисити.

Кендл. Что делает твой отец?

Фелисити. Названивает как сумасшедший по телефону.

Кендл. Он прочел вот эту записку. *(Протягивает Фелисити записку.)*

Фелисити. «Два ящика с картинами и рисунками отправлены Рубену Холмсу в Лонгстоун-Бридж».

Кендл. Рубен Холмс умер. Ты должна найти эти два ящика, Фелисити. Ты и этот... как его там зовут?

Фелисити. Стэн.

Кендл. Стэн. Хотя он, наверное, на работе...

Фелисити. Нет. Он ждет моего звонка.

Кендл. Сейчас же позвони ему, милая. Ты с ним уже виделась?

Фелисити. Да, ну и противный же он! Самодовольный, нахальный и грубый. Но я ему скажу, чтобы он немедленно приезжал. Ради тебя, дорогой. *(Идет к дверям, но останавливается.)* Тебе не очень утомительно и скучно было бы поговорить с отцом Стэна – мистером Бистоном? Они поссорились, потому что у Бистона невыносимый характер; он со всеми страшно груб, и это очень тяжело для Стэна и для его

матери.

Кендл. Попроси его прийти сюда.

Фелисити. А вдруг он тебе нагрубит?

Кендл. Рискнем.

Фелисити выходит. Сразу же появляется сиделка Петтон.

Сиделка Петтон. Все эти приходы и уходы нам, знаете ли, не на пользу.

Кендл. Мне они на пользу – я забываю, что болен.

Сиделка Петтон. Но ведь на самом деле вы больны. И боюсь, сэру Джеффри не очень понравится ваш вид...

Кендл. А мне не нравится его вид. Ну, теперь идите и поиграйте еще немного...

Сиделка Петтон (*возмущенно*). Поиграть? Вы что думаете...

Стук в дверь. Бистон осторожно входит в комнату. Он угрюм и подозрителен.

Кендл. Вы мистер Бистон, да? Пожалуйста, сестра, оставьте нас вдвоем. Садитесь, мистер Бистон.

Сиделка Петтон выходит.

Бистон (*неохотно садится*). Не могу я здесь сидеть. У меня дел по горло. (*Подозрительно смотрит на Кендла.*)

Кендл (*неожиданно ему улыбается, лицо его становится неотразимо привлекательным*). Я знаю, что у вас много дел, мистер Бистон, и что последние два дня вам пришлось трудно. Никто, кроме меня, в этом не виноват. Я, кажется,

превратился в глупого старика, который сам не знает, что с ним. А они делают из меня знаменитость и поднимают всю эту шумиху. Вы меня извините, мистер Бистон. Вы были так терпеливы, так добры...

Бистон (*честный человек, несмотря на свои недостатки*). Нет, неправда, мистер Кендл. Я был хуже, чем всегда, – никому не давал спуску, особенно жене.

Кендл (*очень мягко*). Почему вам так тяжело?

Бистон (*совсем откровенно*). Господи, я и сам не знаю, мистер Кендл, сэр. У меня хорошая жена, хороший сын, хотя он и не подозревает, что я считаю его хорошим. Торговля здесь тоже идет неплохо. Никто никогда не сделал мне ничего дурного. Но я не могу жить спокойно, меня так и гложет злоба, мистер Кендл, всю мою жизнь. Поэтому и на работе вышли неприятности, я тогда оставил службу и приехал сюда – думал, здесь будет лучше. Но я остался таким же, сам вижу, и это тяжелее всего. Иной раз я самого себя не выношу, а уж остальных и подавно.

Кендл. Когда-то и со мной было то же – много лет назад. Я сделал такое, чего не следовало делать, а потом, вместо того чтобы все поправить и простить себе, стал непримирим к себе, непримирим к другим. Друг мой, я не знаю и не хочу знать, что вы сделали плохого, но простите это себе. Забудьте о прошлом. Вам предстоит жить с Джорджем Бистоном, как мне все эти годы надо было жить с Саймоном Кендлом, – так не будьте к нему таким безжалостным. Многие

люди слишком себя жалеют, но есть и такие – и вы принадлежите к их числу, – которые относятся к себе чересчур беспощадно. Скажите: «Бедный старый Джордж!» – а потом само собой получится: «Славный старый Джордж!» А? (*Улыбается Бистону, который сидел задумавшись.*)

Бистон (*мы впервые видим, как он улыбается*). Большое вам спасибо, мистер Кендл. Я попробую. Теперь скажите, что я могу для вас сделать?

Кендл. Вот что. Я здесь лежу совсем беспомощный, а мне очень, очень нужна помощь. От этого зависит судьба моих картин, имущество моей семьи, и в этом мне может помочь ваш сын Стэн. Но если он почувствует, что вам не по душе его визиты, всем будет трудно: и ему, и его матери, и мне... (*Вопросительно смотрит на Бистона, который начинает хмуриться*) Вы снова разжигаете в себе злобу. Чувствуете?

Бистон (*усмехается и встает*). Да.

Входит Гермиона. Она несет поднос с бульоном, тонкими ломтиками поджаренного хлеба и со своим стаканом виски.

Все будет в порядке, мистер Кендл. (*Выходит.*)

Гермиона (*подходит к кровати и ставит поднос на постель или рядом с постелью. Разговаривая, берет свой стакан. Она уже выпила немного внизу*). Я стащила поднос, как только эта чертова сиделка отвернулась. Не знаю, хочешь ли ты есть, но это приготовлено для тебя. Как ты себя чувствуешь, отец? Из разговоров Эдмунда с этим ханжой сэром Джефффри я ничего не могу понять. По их словам, ты не со-

всем нормальный или что-то в этом роде, но ведь все это выдумки, да? (*Садится рядом с ним.*)

Кендл. Вот уже тридцать лет, как мы с Эдмундом считаем друг друга не совсем нормальными. Он принадлежит к другой разновидности человеческого рода. И вот теперь эта другая разновидность побеждает.

Гермиона. А от меня тебе нет никакого проку, надо это признать. От меня теперь никому нет проку, даже Кеннету. Как было хорошо, когда он был маленький. А теперь Кеннет и его друзья ведут себя так, будто они свалились с другой планеты.

Кендл. Он здесь?

Гермиона. Да, пишет на чем попало свои непристойные песенки.

Пауза.

Кендл. Если я пошлю его в Лондон по важному делу, сможет он спокойно и разумно выполнить поручение?

Гермиона. Вероятно, я должна сказать: да, конечно. Но я ни разу в жизни тебе не лгала, отец, милый. Поэтому я могу сказать только одно: честное слово, не знаю.

Кендл. Лео Моргенштерн уже уехал?

Гермиона. Да, к какому-то знакомому коллекционеру. Мы с ним выпили, он только о тебе и говорит. И он прав, конечно, но почему эти прирожденные бизнесмены всегда так сентиментальны?

Кендл. Они обретают сердце только в часы, свободные от

дел. (*Закрывает глаза.*)

Гермиона (*минуту озабоченно смотрит на него, потом тихо*). Отец, ты устал. Я не хочу тебя утомлять. Но что должен сделать Кеннет?

Кендл (*открывает глаза; медленно*). Выяснить, когда идет ближайший поезд в Лондон, и, перед тем как ехать, зайти ко мне...

В комнату врывается сиделка Петтон. Она страшно возмущена.

Сиделка Петтон (*сердито*). Так это вы забрали обед? Явились сюда, чтобы утомлять его своими разговорами!

Гермиона (*встает, держа в руке стакан; злобным шепотом*). А сами-то вы что делаете? Колыбельную поете? (*Уходит.*)

Сиделка Петтон провожает ее до двери и становится на пороге, как страж.

Внизу, у входной двери, появляется Стэн, одетый в костюм для езды на мотоцикле и уже промокиший. Из бара выходит Бистон и замечает его.

Стэн (*решительно*). Извини, папа, но мне необходимо было приехать... Мистер Кендл...

Бистон. Знаю, сынок. Кто старое помянет, тому глаз вон. Тебя ждет мисс Кендл. (*Уходит.*)

Быстро входит Фелисити.

Фелисити. Наконец-то! Я теперь знаю, что нам нужно делать...

Стэн. Нам? Здесь не может быть никакого «мы». Вы-то тут при чем?

Фелисити. Да не будьте вы таким грубияном...

Стэн. Грубиян я или не грубиян, но я выполню все, что мне прикажет Саймон Кендл...

Фелисити. Вы просто теряете драгоценное время...

Стэн. Я только поднимусь к нему – это отнимет не больше минуты. *(Твердым шагом проходит мимо Фелисити к лестнице. На площадке лицом к лицу сталкивается с сиделкой Петтон, у которой очень решительный вид.)* Мне нужно поговорить с мистером Кендлом.

Сиделка Петтон. Это невозможно, я даже его родных и близких не пушу к нему, пока он как следует не отдохнет. А уж вас-то, в вашей мокрой одежде, и подавно.

Стэн *(встревоженный)*. Ему... очень плохо?

Сиделка Петтон *(с безжалостной иронией)*. Восемьдесятдвухлетнего старика врачи не разрешают перевозить из этой гостиницы. Сюда прибыл из Лондона знаменитый врач, дневная и ночная сиделки, вся его семья здесь! Теперь спросите у самого себя – как его самочувствие? Только мне больше вопросов не задавайте.

Стэн, очень обеспокоенный, уходит.

Внизу Фелисити уже надела пальто и сейчас повязывает голову шарфом. Входит Стэн.

Стэн. Я его не видел. Она никого не пускает.

Фелисити *(с издевательской любезностью)*. В таком слу-

чае, если вы не хотите больше терять время, вы будете слушаться меня, не правда ли? Я, пожалуй, могу ехать на заднем сиденье вашего мотоцикла.

Стэн. Можете, но через десять минут вы насквозь промокнете и будете похожи на мокрую курицу.

Фелисити (*высокомерно*). Я, кажется, могу купить все, что полагается для езды на мотоцикле. Вам должно быть известно, что именно надевают девушки, когда ездят на мотоцикле, – вам, а не мне...

Стэн (*мстит ей*). О, всего только какую-то дешевую, вульгарную одежду из пластика... Вам ведь известно, что это за люди. (*Идет к двери*)

Фелисити. Пока еще нет – я к ним только еще присматриваюсь. Пойдемте.

Они открывают дверь. Сумерки холодного, дождливого дня.

Стэн. Я не поеду, пока вы не скажете, куда и для чего надо ехать. Это вполне разумное желание.

Фелисити. Да, но из-за вашего тона даже самые разумные желания становятся невыносимыми.

Стэн. Послушайте, мисс Кендл, давайте уточним: вы меня терпеть не можете, я вам тоже не очень симпатизирую – вот и все. Но мы должны кое-что сделать для Саймона Кендла. Ну так что именно?

Фелисити. Он упаковал свои лучшие работы в два больших ящика. И отправил их Рубену Холмсу в Лонгсто-

ун-Бридж. Дедушка и сам ехал именно туда. Он не знал, что Рубен Холмс уже умер. Последнее время дедушка плохо себя чувствовал, стал все забывать...

Стэн (*нетерпеливо*). И он сел не в тот поезд, а ящики уехали без него. Ну так зачем тут было панику поднимать? Утерян багаж – только и всего! Ведь такие вещи случаются на каждом шагу...

Фелисити. Да, но обычно багаж стоит меньше ста пятидесяти тысяч фунтов...

Стэн. Это, конечно, имеет значение...

Фелисити. Но это не главное, только вы все равно ничего не поймете, вы ведь не знаете, о чем идет речь...

Голос сэра Эдмунда. Фелисити, Фелисити!

Фелисити (*вместо ответ выбегает на улицу; на бегу*).
Скорее, нельзя, чтобы он меня видел!

Подбегают к мотоциклу и стоят близко друг к другу.

Стэн (*воплощение сарказма*). Вероятно, вашему отцу не хочется, чтобы вы промокли...

Фелисити. Пожалуй. Но больше всего ему не хочется, чтобы я нашла для дедушки эти два ящика.

Стэн. Ого!

Фелисити. Вот вам и «ого»! Мой отец и некоторые из его знакомых в последнее время утверждают, что дедушка выжил из ума и не может распоряжаться судьбой своих картин. Поэтому мы должны найти эти Два ящика раньше, чем это сделают они. Отец уже звонил своим знакомым в Лондон,

и кое-кто из них скоро будет здесь. Теперь-то вам понятно, почему поднялся такой шум?

Стэн. Вы победили. Едем. Через час я доставлю вас на станцию Лонгстоун-Бридж, если только вы не свалитесь по дороге.

Она садится на заднее сиденье, он тоже садится. В дверях появляется сэр Эдмунд.

Сэр Эдмунд (зовет). Это ты, Фелисити? Что это ты тут делаешь?

Пока он спускается с крыльца, мотоцикл трогается и с шумом уносится прочь. Сэр Эдмунд возвращается возмущенный и сталкивается с Бистоном.

Сэр Эдмунд (негодующе). Вы, кажется, сказали, что на мотоцикле поедет ваш сын? Если так, то будьте любезны мне объяснить: почему он увез мою дочь?

Бистон (сердечно). Не знаю. Но не волнуйтесь. Стэн аккуратно водит машину.

Сэр Эдмунд (злобно). Это совершенно недопустимо! Ну, знаете ли... Нашли время! (Замечает Кеннета, который уныло ожидает кого-то возле лестницы.)

Сэр Эдмунд (раздраженно). Что ты тут торчишь, Кеннет? Неужели ты не можешь себе найти какое-нибудь занятие?

Кеннет. Могу, но меня хочет видеть бабушка...

Сэр Эдмунд. Чепуха! Кто тебе это сказал? Наверное, твоя мамаша...

На лестнице появляется сиделка Петтон.

Сиделка Петтон (*кивает Кеннету; неохотно*). Можете зайти – на одну-две минуты...

Сэр Эдмунд. Ну что же, я тоже, пожалуй, зайду...

Сиделка Петтон (*перебивает, резко*). Нет, вам нельзя! Только он один.

Сэр Эдмунд (*раздражен; поворачивается и видит Гермину, которая стоит у стойки; недоволен*). Что это еще за ерунда – отец хочет видеть Кеннета?

Гермиона. Это его идея, а не моя. А почему бы и нет?

Сэр Эдмунд. Он, вероятно, лишился рассудка. Кеннета!

Гермиона. У тебя, Эдмунд, больше денег, чем у меня, но я тебе поставлю пару стаканов, если только ты согласишься понять, что ты здесь не в своем чертовом министерстве.

Кендл говорит с Кеннетом. Он произносит слова очень медленно, с большим трудом. Его пальто лежит на кровати. Он что-то ищет в карманах.

Кендл. Видишь, мой мальчик, я стал похож на своего старого друга Сикерта – не мог удержаться, чтобы не снять еще одну маленькую студию. А, вот он... (*Находит ключ и дает его Кеннету.*) Ключ от номера седьмого в Йорк-Гарден Мьюз, – впрочем, адрес вот тут записан. Повтори, что ты будешь делать, мальчик.

Кеннет (*повторяет инструкции*). Возьму такси, вывезу оттуда холсты, наброски, записные книжки, все это спрячу в своей комнате и никому не скажу ни слова...

Кендл. Это самое трудное – держать язык за зубами. Ты

на это способен?

Кеннет. Будь спокоен. Уж я-то себя знаю, дед. Правда, у меня нет денег...

Кендл (*находит свой толстый бумажник и трясущими-ся руками достает несколько банкнот, дает Кеннету*). Двадцать фунтов – этого тебе хватит на расходы и на чертовски шикарный обед для твоей девушки...

Кеннет. Мне не нравятся девушки, которые любят чертовски шикарные обеды. Мы все предпочитаем таких, которых можно повести в закусочную.

Кендл. Все вы – дикари, бьющие в барабаны среди каменных джунглей. (*Пристально смотрит на Кеннета.*) Но будь честным дикарем, Кеннет, мой мальчик. Я тебе верю.

Кеннет (*серьезно*). Я мог бы подвести кого угодно. Ни за грош. Но не тебя, дед. Ты считаешь, что я могу быть полезным, – и я помогу тебе. Вот увидишь.

Фелисити и Стэн, оба совершенно промоклие, разговаривают с носильщиком. Слышны гудки и шум паровозов.

Носильщик. Два больших ящика? Как же, помню-помню. Прибыли позавчера, в восемь пятьдесят вечера.

Фелисити (*радостно*). Значит, они здесь?

Носильщик. Ну нет. Мой напарник погрузил их вчера утром на семичасовой поезд... Если только их не отправили обратно в Лондон или на Берпул, они должны быть на станции Грэнгли.

Стэн. Позвоним туда.

Носильщик. Это вам ничего не даст. Лучше поезжайте сами. Здесь всего тридцать миль.

Фелисити. О господи, я так хочу есть.

Носильщик. Вы еще успеете в «Белый лев»...

Стэн. И вы увидите, как я ем горошек с ножа...

Фелисити. Да замолчите вы! *(Поворачивается и идет.)*

Он следует за ней.

Кендл в полузабыты, пальцы его беспокойно шевелятся. Сиделка Петтон подходит к нему и поправляет подушку и простыню. Она очень мрачна.

Снова железнодорожная станция. На этот раз Фелисити и Стэн разговаривают с пожилым железнодорожным служащим, медлительным и туповатым.

Железнодорожник. Да, здесь была какая-то путаница с этими двумя ящиками. Мы их отправили на Берпулсен-Трал, а они говорят, что отправили их обратно, но мы ящиков еще не видели...

Стэн. Куда же они делись?

Железнодорожник. Ну, здесь-то их нет, и в Лонгстоун-Бридж, говорят, их тоже нет. Значит, если Берпулсен-Трал не отправил их обратно в Лондон – они по ошибке могли это сделать, – так эти ящики застряли где-нибудь между нашей станцией и Берпулсен-Трал...

Фелисити *(с негодованием)*. О, проклятье! Что ж нам те-

перь, искать их по всем станциям?

Стэн (*с оттенком снисходительности*). Может, вы лучше бросите поиски, давайте я сам все сделаю.

Фелисити (*возмущенно*). Ни за что! Даже если эта проклятая машина вытряхнет из меня все внутренности! Едем!

Уезжают.

Бар. Ранний вечер. Зажжены лампы. Гермиона, взволнованная, растрепанная, поднимается по лестнице и заглядывает на лестничную площадку, куда выходит дверь комнаты Кендла. Сэр Джефффри, доктор Эдж, сиделка Петтон и сиделка Сомерсет толпятся возле комнаты Кендла. Мы не слышим, о чем они говорят, но видим, что сэр Джефффри говорит внушительно и авторитетно. Доктор Эдж и сиделка Петтон уходят.

Гермиона поспешно спускается вниз, одним залпом проглатывает содержимое своего стакана и возвращается к лестнице, по которой спускаются доктор Эдж и сиделка Петтон.

Гермиона (*возбужденно*). Скажите мне правду! Ему хуже, да?

Доктор Эдж. Сильных болей у него нет, и мы делаем все, что возможно. Я сейчас принесу кислородную подушку на случай, если она понадобится. Извините меня. (*Проходит мимо нее.*)

Сиделка Петтон уже ушла. Гермиона, совершенно подав-

ленная, подходит к двери в маленькую гостиную и открывает ее. На пороге, преграждая ей путь, появляется сэр Эдмунд.

Гермиона. Отцу хуже, Эдмунд. Я так и знала.

Сэр Эдмунд. Мы еще не слышали заключения сэра Джеффри. Здесь у меня – Генри Марч и сэр Маркус Коннор, мы ждем сэра Джеффри – нам предстоит решить важный вопрос.

Гермиона. Неужели у вас опять будет совещание?

Сэр Эдмунд. Ну конечно, ты ведь не захочешь принять в нем участие. *(Понижая голос.)* И пожалуйста, не пей так много. Вероятно, скоро опять вернутся репортеры – прошу тебя, будь осторожнее...

Гермиона *(горько)*. Осторожнее? В чем? Кеннет уехал. Фелисити еще не вернулась. Сюда ты меня не пускаешь. К отцу – тоже. Я не должна пить. Так куда же мне идти и что мне делать?

За спиной Гермионы появляется сэр Джеффри.

Сэр Джеффри. А-а! Я вижу, меня здесь ждут. *(Гермионе, которая уступает ему дорогу, любезно.)* Какая скверная погода, не правда ли? *(Проходит в комнату.)*

Дверь закрывается. Гермиона медленно возвращается в бар и садится в углу. Томми подходит к ней.

Гермиона. Пожалуйста, Томми, двойную порцию джина.

Томми *(подает джин)*. Пожалуйста. Что вам сказал этот хлыщ доктор?

Гермиона. Он сказал, что сейчас скверная погода.

Томми. Ну а что здесь делает большое начальство?

Гермиона. Устроили себе совещание, а нам оставили эту погоду. *(Берет стакан.)* Благодарю. Господи! Как я несчастна, Томми! *(Пьет, потом смотрит на дверь в маленькую гостиную и бормочет.)* Бонзы!

Гостиная. Сэр Эдмунд, сэр Джеффри, Генри Марч, сэр Маркус Коннор. Марч – пожилой человек, типичный адвокат. Сэр Маркус моложе, это официального вида человек с вкрадчивыми манерами. Они расположились солидно, значительно. Вчетвером они как будто заполнили всю комнату – так, что в этом есть нечто неестественное. Все в этой сцене – общий вид, голоса – подчеркивает, что перед нами – официальная Англия, столпы общества. Нужно постараться передать эту атмосферу, но ни в коем случае нельзя ничего утрировать, чтобы не получился фарс. Это скорее зловещая сцена, чем комическая. Зритель должен почувствовать, что все участники ее понимают друг друга с полуслова.

Сэр Эдмунд *(заканчивая объяснения)*. Итак, сэр Джеффри, мы решили, что «Трест Кендла» принимает это ценнейшее собрание картин и рисунков. Некоторые из них выполнены тридцать – сорок лет назад. В свое время мой отец отказался их продать, не так ли, Генри?

Генри Марч. Я бы лучше пояснил, что правление треста – сэр Эдмунд, представляющий семью Кендл, сэр Маркус,

представляющий национальные галереи, и я как адвокат и финансовый поверенный в делах – будет иметь право продать или передать в дар все картины, составляющие собственность треста...

Сэр Маркус. Я, разумеется, всегда хотел, чтобы некоторые известные мне картины стали достоянием нации. Но Саймон Кендл всегда был очень упрям и несговорчив.

Сэр Эдмунд. Откровенно говоря, когда его рассудок стал слабеть, он занял враждебную и совершенно нелепую позицию по отношению к государству и к правительственным кругам. И это, конечно, очень усложнило мои отношения с ним...

Сэр Джеффри. Не стану хвастать, что он оказался легким пациентом. Джентльмены, в этом вопросе я с вами вполне согласен, однако доктора Эджа мне не удалось убедить в том, что больной больше не может вести свои дела. Но я повторяю: его упрямство и странности, безусловно, можно объяснить его возрастом и состоянием здоровья. А как я уже говорил, в состоянии больного следует ожидать внезапного ухудшения – ему угрожает полная потеря сознания, и в то же время, как я заявил после первого же осмотра, его сердце может сдать в любую минуту...

Сэр Эдмунд. Так что же вы предлагаете, сэр Джеффри?

Сэр Джеффри. В течение нескольких часов он будет в полном сознании, так как ему сделана специальная инъекция. Если действовать спокойно и по-деловому, я думаю, самое

разумное и надежное – пойти к нему. Я полагаю, у вас уже готов официальный документ, который он мог бы подписать...

Генри Марч (*берет внушительного вида документ*). Вот он – все готово...

Сэр Джеффри. Отлично! Я предлагаю, чтобы вы продумали, что именно вы должны ему сказать, и сказали это тактично, спокойно, но твердо.

Комната Кендла. Он разговаривает с Джудит. Кендл уже не выглядит таким измученным и утомленным, как накануне, он кажется более энергичным, но состояние у него лихорадочное, беспокойное.

Кендл. Так вы сказали, Джудит, там, внизу, что я хочу видеть мою внучку и Стэна, как только они вернутся?

Джудит. Да, мистер Кендл. Всем сказала.

Кендл. Я, кажется, уже спрашивал вас об этом?

Джудит (*в замешательстве*). Да...

Кендл. Я, наверное, чертовски вам надоел. Но это очень важно, во всех отношениях.

Она смотрит на него с любопытством.

(Осматривает комнату. Замечает на стене текст из Священного Писания: «Бог есть любовь») Да, Бог... Мы говорим, что он создал все – миллионы галактик, и каждая из них состоит из миллионов солнц, и в то же время он есть любовь. Значит, каждый предмет Вселенной – это любовь, она дешевле навоза, так ее много. И люди считают: незачем им беспокоиться, незачем любить, незачем самим созидать

любовь. Если бы мы сказали, что Бог есть могущество, но хочет быть любовью, мы вели бы себя разумнее...

Джудит. Мне кажется, я всегда чувствовала то же...

Кендл. Конечно. Настоящие женщины инстинктивно чувствуют, что любовь – это нечто созидательное. Так же как мужчины знают, что они должны создавать произведения искусства – любые... есть много видов искусства... Женщины без любви, мужчины без искусства, народ, который ничего не создает и прозябает в жалкой, бесполезной жизни, – это скопище уродов и чудовищ, которые думают только об уничтожении друг друга, это тухлые яйца, из которых ничего не вылупится...

В дверях появляется сэр Джефффри.

Сэр Джефффри (*профессионально сердечным тоном*). Отлично, отлично, мистер Кендл, вы полны сил.

Кендл. Когда я не могу рисовать, я начинаю проповедовать. Этой бедняжке приходится все выслушивать.

Сэр Джефффри (*тем же тоном, входя в комнату*). В таком случае вы не откажетесь уделить несколько минут посетителям. (*Оглядываясь.*) Ну что ж, входите, джентльмены.

Входят сэр Эдмунд, сэр Маркус и мистер Марч.

Кендл. Сэр Эдмунд, сэр Джефффри, сэр Маркус и сам Закон в лице Марча – не слишком ли это много для большого художника и заботливой ночной сиделки? Что вы на это скажете, Джудит? Это не просто люди с жалким умом, который не в силах охватить все происходящее, – люди из плоти

и крови, как вы и я. Нет, каждый из них – это ведомства, учреждения, законы. Это – Англия, в которой нам позволили жить...

Сэр Эдмунд. Да, и без которой ты, отец, жить не сможешь...

Кендл. Мой мальчик, не думаю, что мне осталось долго жить...

Сэр Эдмунд (*поспешно*). Надеюсь, ты ошибаешься, но это лишний раз доказывает, что ты должен помнить о своих обязанностях...

Кендл (*прерывает его*). Я помню, помню...

Сэр Эдмунд (*очень спешит*). Мы принесли документ нашего треста...

Марч (*показывает документ*). Вот он, мистер Кендл...

Сэр Эдмунд. Нам нужна только твоя подпись.

Сэр Маркус. Тогда вы можете быть уверены, что трест примет на себя все заботы по...

Кендл (*прерывая*). Да-да, Маркус, я знаю, я уже слышал все это раньше.

Сэр Джефффри. Совершенно верно, мистер Кендл. Но сейчас...

Кендл (*прерывая*). Сейчас у меня осталось немного времени...

Сэр Джефффри (*поспешно*). Я не говорил этого...

Кендл (*прерывая*). Так я говорю за вас. И это правда. Времени осталось немного. Его всегда не хватает – это вам мо-

жет подтвердить любой художник, но, если вы живете творческой жизнью, всем сердцем и умом, тогда вам хватит времени...

Сэр Эдмунд. Для того чтобы привести в порядок свои дела?

Кендл. Да, Эдмунд, и для этого.

Марч. Насколько я знаю из своей практики, вы, вероятно, не отдаете себе отчета в том, какие затруднения могут возникнуть...

Кендл (*прерывает*). Может быть, я и не знаю. Я старик, глупый, упрямый, несговорчивый, надоедливый, но я еще принадлежу себе, а не вам, джентльмены. Это и к тебе относится, Эдмунд. Уходите...

Сэр Эдмунд (*гневно*). Ты вынуждаешь нас предпринять кое-какие шаги...

Кендл (*с явным презрением*). Сделайте несколько шагов и закройте за собой дверь. (*Берет календарь, на котором рисовал, и рассматривает его, ни на кого не обращая внимания.*)

Присутствующие не знают, что им делать. Обмениваются многозначительными взглядами, затем покидают комнату.

Джудит (*смотрит на Кендла; нерешительно*). Вы... считаете, что поступили справедливо, мистер Кендл?

Кендл. Напрасно я так говорил со своим сыном. Он не может не быть таким, каков он есть. Он – полная противополо-

ложность мне. Возможно, это моя вина. Но не забывайте, что мне пришлось выслушать этой болтовни в тысячу раз больше, чем вам.

Джудит (*старается быть справедливой к ним*). Но они, вероятно, не хотели причинить вам вред, они просто старались выполнить свой долг...

Кендл. Мир переполнен людьми, которые могут всех нас растоптать и выбить нам зубы только потому, что они выполняют свой долг. Мне бы хотелось, чтобы большинство из них перестали выполнять свой долг. А эти господа только и могут, что причинять вред – вам, мне и всем людям. Они ничего не вносят в жизнь, и все вокруг них в результате их стараний лишено жизни. А в Лондоне сейчас из-за них шагу негде ступить – сотни и сотни солидных служащих, без единой живой мысли, без единого благородного порыва, замораживают сердца и души всех окружающих, лишают вкуса и запаха все, к чему прикоснутся. Уже несколько недель они пытаются заставить меня вступить в очень солидный трест. Нет, им нужен не я, а мои работы, а меня они с удовольствием упрятали бы в сумасшедший дом, если бы могли. Вот почему я упаковал все картины и удрал. Я не люблю их Англию – все это слишком уж гадко, я не хочу с ними иметь ничего общего. (*Внезапно умолкает, по-видимому совершенно обесиленный.*)

Джудит (*подходит ближе, очень озабочена*). Это все я виновата. Не надо было разрешать вам так много говорить...

Кендл. Но я... хочу говорить. Все это выдумки, будто женщины много говорят! Всякий раз, когда я встречал женщину, которая мне нравилась, я заговаривал ее до потери сознания.

Легкий стук в дверь, в комнату заглядывает ухмыляющийся Томми.

Томми. Не волнуйтесь, сестра, я только на минутку. Но тут опять пришли репортеры и задают вопросы. Так что им сказать?

Кендл. Все, что придет тебе в голову, Томми. Но нет ли у тебя каких-либо известий от моей внучки или от твоего героя – Стэна?

Томми. Никаких.

Кендл. Как только они появятся, Томми, они должны прийти прямо сюда. Не забудь об этом...

Томми. Не забуду, мистер Кендл. Ваша дочь только что пошла в маленькую гостиную. Счет огромный, все большое начальство беснуется, а ей и горя мало... (*Уходит.*)

Кендл. Джудит... если мое пальто здесь... подайте мне его, пожалуйста.

Она подходит к шкафу.

А потом спуститесь вниз, скажите моей дочери Гермione, что это я прислал вас проводить ее в ее комнату.

Джудит (*кладет на кровать его пальто*). На это Уйдет много времени. Я не должна вас оставлять одного...

Кендл. Мне будет легче, когда я узнаю, что Гермione – в своей комнате. Идите, моя милая.

Джудит выходит.

(Медленно тянет к себе пальто, нащупывает в кармане флягу, достает ее, отвинчивает пробку и пьет; шепчет про себя.) Ну, последний глоток – на дорогу, Саймон, старина, на дорогу!

Когда он снова поднимает флягу, входят Фелисити и Стэн. Промокишие и утомленные, но торжествующие – воплощение жизнерадостности и молодости.

Фелисити *(увидев флягу)*. Старый обманщик, ты пьянствуешь! Ведь тебе же это вредно.

Кендл *(протягивает ей флягу)*. Ничуть. Теперь твоя очередь.

Фелисити *(берет флягу)*. Как раз то, что мне нужно. *(Делает большой глоток.)*

СТЭН. А мне?

Фелисити *передает флягу Стэну, он пьет.*

Фелисити. Мы нашли твои ящики. Нам не хотели их отдавать, но Стэн рассвирепел. Он без ума от твоих картин, и это придало ему сил.

СТЭН. Ничего бы мы не добились, если бы она не вручила им доверенность с вашей подписью, которую она преспокойно подделала – она ни перед чем не остановится.

Фелисити. Мы, конечно, не привезли их сюда, но они спрятаны в надежном месте. Отец со своей бандой уже здесь побывал? Конечно, как же иначе! Ну а что ты теперь собираешься делать?

Кендл. Теперь я собираюсь больше ни о чем не волноваться. Так вам нравятся мои картины, Стэн?

Стэн. Всегда нравились, очень. Я и сам пробую немного рисовать – в свободное время.

Кендл. Ну и денек выдался для вас, не правда ли?

Фелисити. Он показался мне целой неделей.

Кендл. Ты считаешь, что Стэн невыносим?

Фелисити (*поспешно*). Да.

Стэн. Ну и она тоже фруктик, я вам скажу!

Фелисити. «Фруктик»! Как он говорит, этот человек!

Стэн. Но я все-таки должен признать – здорово она держалась, когда мы тряслись на мотоцикле, а потом улыбалась этим проклятым железнодорожникам, а я выходил из себя. Да, нужно отдать ей справедливость... ей и ее классу...

Фелисити. «Классу»! Вот как он говорит! Это ужасно! И все же я рада, что сегодня со мной рядом был он, с его энергией и решительностью, а не один из этих очаровательных юношей, этих безмозглых молодых людей. Это я для тебя говорю, дорогой.

Входят доктор Эдж и Джудит.

Доктор Эдж. Знаете ли, мистер Кендл, я все-таки не могу этого разрешить в вашем состоянии.

Кендл. Доктор, теперь я знаю о своем состоянии больше, чем вы. У меня осталось только время, чтобы закончить свои дела, а потом я могу отдохнуть. Во внутреннем кармане моего пиджака есть заготовленный текст завещания, достаньте

его, Джудит, и дайте, пожалуйста, доктору...

Джудит выполняет его просьбу.

(Доктору) Вы, конечно, не запретите человеку передать свое имущество...

Стэн (*собираясь уйти*). Не буду вам мешать...

Кендл. Вы мне нужны. Сидите спокойно и слушайте. Итак, доктор, из этого документа вам станет ясно, что два лица, обозначенные в завещании, получают в наследство все мои картины и рисунки. Они имеют право продать эти картины, отдать их в дар – сделать с ними все, что им будет угодно...

Доктор Эдж. Да. Здесь все написано, кроме фамилий...

Кендл. Вы их сейчас внесете, а потом вы и Джудит подпишетесь в качестве свидетелей. Фамилии наследников – Фелисити Кендл и Стэн Бистон.

Стэн (*потрясенный*). Я? Но вы же не можете...

Кендл (*перебивая*). Успокойтесь. Я разговариваю с доктором Эджем, а не с вами. Видите ли, доктор, мои дети – сын и дочь – получают определенный капитал, но я долго не мог решить, что делать со всеми этими картинами, которые останутся после меня. Теперь я больше всех верю этим двоим – Фелисити и Стэну. Они делают вид, что терпеть друг друга не могут, оба они снобы, ни на минуту не забывают об общественном неравенстве, как и многие англичане, – а мое завещание выбьет из них всю эту дурь. Им придется часто видаться, чтобы решить, что делать с моими картинами. Не

успеют они оглянуться, как уже будут женаты...

Стэн. Ну, знаете ли!

Фелисити. Никогда!

Они с негодованием смотрят на Кендла, потом друг на друга, но негодование им плохо удается. Их лица выражают что-то совсем другое.

Кендл. Словом, доктор, если вы и Джудит поставите здесь свои подписи, все будет в порядке – никаких забот, никаких тревог, никаких недоразумений...

Бар. Сцена должна быть очень многолюдной, шумной и беспорядочной. Все репортеры, которых мы видели раньше, снова здесь, а также много новых репортеров и фотокорреспондентов. Невероятный шум; Бистон, миссис Бистон и Томми Дарт с трудом успевают подавать. Видно, что в баре хозяйничают репортеры. Нижеследующий диалог слышен отчетливо только потому, что ведется в повышенном тоне. Сэр Эдмунд, сэр Маркус и мистер Марч стоят в дверях маленькой гостиной. Сэр Эдмунд, взбудораженный и злой, громко отвечает группе репортеров.

Сэр Эдмунд (так, будто он заканчивает заявление, предназначенное для печати). Мой отец, подобно Тернеру, с которым его так часто сравнивают, отказался продать многие из самых значительных своих произведений. Сэр Маркус Коннор и я решили создать специальный трест, который будет ведать всеми этими делами...

Молодой репортер (выкрикивает из задних рядов). Ваша

дочь говорит совсем другое, сэр Эдмунд...

Сэр Эдмунд (*раздраженно*). Что вы имеете в виду? Никто не уполномочил мою дочь делать какие бы то ни было заявления...

Из комнаты Кендла появляются Стэн и Фелисити.

Стэн (*громко*). Я думаю, что заявлений делать не следует.

Фелисити и Стэн спускаются с лестницы и останавливаются на нижней ступеньке. Репортеры смотрят на них. Фелисити стискивает руку Стэна. Шум не стихает. На верхней площадке лестницы сэр Джефффри спорит доктором Эджем.

Доктор Эдж. Очень сожалею, сэр Джефффри, что не могу с вами согласиться. Он слабеет с каждой минутой, пульс почти не прощупывается, мы должны быть готовы ко всему, сейчас дадим кислородные подушки, но рассудок его в полном порядке.

Сэр Джефффри (*резко*). Я не могу согласиться с вами, доктор, и вынужден настаивать на изменении диагноза...

Комната Кендла. Он протягивает Джудит календарь, на котором рисовал.

Кендл (*теперь он очень слаб*). Это был календарь Бистона... они не будут возражать... Теперь это последний рисунок Саймона Кендла... возьмите его себе...

Джудит (*берет календарь*). О... благодарю вас... но вы действительно хотите, чтобы такая ценная вещь досталась мне?

Кендл. Да, моя милая. Последний рисунок – последнему из моих друзей. Вот, посмотрите...

Джудит смотрит.

Эта девица, которую здесь нарисовали, была нереальна – плоская, нелепая... Но несколько штрихов, если вы знаете, как их следует нанести, придадут ей форму, реальность, цель и смысл – вдохнут в нее жизнь... (*Короткий, странный крик.*)

Джудит (которая слушала его улыбаясь, страшно напугана этим криком; бросается к нему, потом бежит к двери и кричит). Доктор! Доктор!

Оба доктора бегут в комнату, Эдж – впереди.

Снова в баре; невероятный шум. Сэр Эдмунд и сэр Маркус спорят с группой репортеров. Это не диалог – сцена протекает стремительно. Стэн и Фелисити отрицательно качают головами в ответ на вопросы другой группы репортеров.

Молодой репортер (выкрикивает, заглушая шум). Да замолчите же, ребята! Смотрите!

Внезапно наступает полная тишина. Взоры всех присутствующих обращены к лестнице. По ступенькам спускается доктор Эдж. Он мрачен.

Доктор Эдж (ничего не выражающим голосом). Саймон Кендл скончался.

Музыка. Фасад гостиницы; в спальне гаснет свет. Ночь. Дождь.